

Анри Коломон

Огонь, Воды и Медные Трубы

*из романа «Франсуа
и Мальвази»*

Анри Коломон

**Огонь, Воды и Медные Трубы.
Из романа «Франсуа и Мальвази»**

«Издательские решения»

Коломон А.

Огонь, Воды и Медные Трубы. Из романа «Франсуа и Мальвази» /
А. Коломон — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-501945-5

Действия романа разворачиваются на фоне общеевропейской войны за Испанское наследство в начале 18-го века по Рождеству Христову. Несмотря на затронутые многие места Европы и даже Магриба, основное повествование происходит в диковатом разбойничьем углу острова Сицилия, куда волей случая занесло наших героев.

ISBN 978-5-00-501945-5

© Коломон А.
© Издательские решения

Содержание

Огонь, Воды и Медные Трубы	6
Часть I. Огонь и Воды...	7
Глава I. Война за Испанское Наследство	7
Глава II. Менорка	15
Глава III. От чего проснулись на следующее утро	20
Глава IV. Схватка в проходе	23
Глава V. После штурма	29
Глава VI. За решёткой	36
Глава VII. Неудавшийся побег	39
Глава VIII. Карцер	46
Глава IX. Граф д'Олон	48
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Огонь, Воды и Медные Трубы Из романа «Франсуа и Мальвази»

Анри Коломон

© Анри Коломон, 2019

ISBN 978-5-0050-1945-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Действия романа разворачиваются на фоне общеевропейской войны за Испанское наследство в начале 18-го века по Рождеству Христову. Несмотря на затронутые многие места Европы и даже Магриба, основное повествование происходит в диковатом разбойничьем углу острова Сицилия, куда волей случая занесло наших героев.

Огонь, Воды и Медные Трубы

Часть I. Огонь и Воды...

Как жили мы борясь

И смерти не боясь

Так впредь отныне жить:

– Тебе и мне!

В бессмертной вышине

И в знойной низине

В живой волне

И в яростном огне!

И в яростном – огне!

Глава I. Война за Испанское Наследство

Из всех внутренних и внешних затруднений, которые испытывала Франция в начале царствования Людовика XIV, ее могла вывести только уверенная в своих возможностях, сильная королевская власть. Поэтому установившийся режим абсолютизма был необходим и в известном смысле прогрессивен.

Однако весьма скоро стали обнаруживаться и его отрицательные стороны. При абсолютизме – централизованности государства, не могло быть людей двигавших свои инициативы. Их не стало. По словам герцога Сен—Симона – представителя знатной родовитой аристократии, выдающегося просветительского деятеля: «абсолютный без возражений, Людовик искоренил в стране всякую инициативу, не исходящую от него самого».

Суть такова: что один король не допускал чтобы это делал кто другой, не мог все двигать вперед сам, по стереотипу сложившемуся у королей с былых времен, да и самого Людовика после фронды и суперинтенданства Фуке, видеть в каждом выдающемся и деятельном человеке: соперника и врага способного со временем покуситься на власть в королевстве, что было вовсе не реально. Не так уж окрепла центральная власть, еще о многое она спотыкалась. Нередко противились суды, парламент. Хотя уже после фронды принцев, дворянство, как единая сила, сошла с политической арены, оставалось много прежних хлопот. И самое государство было далеко не полным в нынешнем видении. Независима Лотарингия, глубоко врезающаяся и находящееся посреди территории независимое Авиньонское графство. Лишь со временем присоединились Эльзас со Страсбургом, Франш – Конте, и другие территории. Большие части Дофине и Прованса оставались за линией рубежа. Корсика была Генуэзской.

Кроме того значительны были владения дворян и в самой Франции, где в некоторых областях состоятельные аристократы все еще оставались заправилами местной провинциаль-

ной жизни. У большей части различных слоев дворянства был в моде дух умеренного, позитивного фрондерства.

Но в противовес всему, что умирало основную часть дворянства непосредственно, и косвенно остальную, являлось то, что оно целиком и полностью с материальной стороны зависело от ренты и служения; и втянулось в жизнь на подачки короля, считавшиеся знаком особого благоволения и положения в обществе. Доходные звания, должности. Чины, титулы, награды, пенсии, а так же земли и денежные подачки, и наконец сильная полиция и тюрьмы, все служило тому, чтобы наставить на путь пресмыкания перед властью, а молодое поколение воспитать в том же духе.

Вернемся же к королю – солнцу, вначале своего правления, как достиг возраста совершеннолетия, обещавший стране изобилие и блеск. Именно упоение властью, после горемычных скитаний с королевой—матерью и другим регентом кардиналом Мазарини во время Фронды, когда за него как короля ничего не ставили, в резком контрасте породило в нем слова: «Государство – это я», ставшие девизом абсолютизма.

Со временем король сдерживал свои желания все реже и реже, проявляя их во внешней политике, как например 1681 году без объявления войны заняв имперский город Страсбург с прилегающими к нему Эльзасскими землями.

Конечно пути присовокупления земли были разными, и по степени законности, но и в самых мирных из них полностью проявлялась сущность первого абсолютистского короля. Людовик хотел закрепить свои южные границы /как раз там где находятся неполные Дофине и Прованс/, путем покупки за сто тысяч экю маркизата Салуццо с городом у одного итальянского князя, через его первого министра Маттиоли. Тайный договор был уже заключен, сам министр получил за это конечно же богатые подарки... как тот же Маттиоли продает секрет Австрии, Савойе, Испании. Разгневанный Людовик XIV, приказывает заманить хитреца во Францию схватить и бросить до конца жизни в Пиньероль. Как никак первого министра итальянского княжества, прямое оскорбление всему ему. Примечательно что король Испании Карл II, всячески потворствовал решению французского короля.

Беззастенчивые захваты чужих владений втянули Францию в бесконечные кровопролитные войны, какой являлась война за Мантуанское наследство. Но самой тяжелой и разорительной для народа и страны стала так называемая общеевропейская война за Испанское Наследство, начавшаяся в 1701 году и окончательно закончившаяся через долгие тринадцать лет, вызванная длительной борьбой Бурбонов с австрийскими Габсбургами за гегемонию в Европе, а так же выступлением на политической арене молодых капиталистических государств – Англии и Голландии, тоже преследовавших свои цели.

Причиной борьбы за наследство и как следствие войны послужило отсутствие мужского потомства у короля Испании Карла II Габсбурга. В 1700 году он умер бездетным. Основными претендентами на престол Испании, обширные владения в Америке и Европе,¹ выступили монархи, имевшие детей от браков с испанскими принцессами, сестрами умершего короля это: французский король Людовик XIV Бурбон, на основании прав своей покойной жены Марии – Терезии, рассчитывавший получить корону для своего внука Филиппа Анжуйского и император

---

¹ [1] В Европе у Испании имелись: Фландрия, Миланское герцогство, герцогство Тоскана, Сардиния, Неаполитанское королевство.

Священной Римской Империи Леопольд I Габсбург, женатый на другой сестре Маргарите—Терезии, выставивший кандидатуру своего сына Эрцгерцога Карла.

Англия и Голландия же, стремясь использовать начавшийся упадок Испании в своих интересах, не допуская при этом усиления империи, и в то же время Франции, настаивали на разделе испанских владений.

Людовику Бурбону, с помощью французской дипломатии при мадридском дворе и Папы Римского, удалось добиться того, что в завещании Карла II, его корона передавалась по наследству принцу Филиппу Анжуйскому, который в том же семисотом году сразу же и стал испанским королем под именем Филиппа V.

Англия и Голландия согласились с этим при условии независимости Испании от Франции и не допущения какой – либо унии между ними. Но вышло совсем наоборот: французский король через своего внука стал фактически управлять страной, со всеми ее владениями. Это именно в то время возникла, и Людовику XIV принадлежит фраза: «Нет больше Пиренеев!»

Мало того, в феврале семьсот первого, он объявил Филиппа V своим наследником, выявив тем самым намерение добиться объединения двух государств под одной короной, что противоречило интересам Англии и Голландии². Обеспокоенные чрезмерными притязаниями на Испанию они выступили на стороне Леопольда I Габсбурга. Причиной тому еще послужило то, что ранее они безуспешно добивались предоставления им торговых привилегий в колониях – права Метто...

В Гааге 7 сентября того же 1701 года Англия и Голландия заключили союз с императором Священной Римской Империи против Франции, составив тем самым антифранцузскую коалицию, или Большой Альянс и в мае следующего... семьсот второго года объявили войну, хотя сама империя начала военные действия годом раньше, в северной Италии за Миланское герцогство, где Евгений Савойский разбил французов в битве при Кьяри.

Позднее к антифранцузской коалиции присоединились Бранденбург, Пруссия, Дания и большая часть других германских княжеств. На самом южном участке региона стран войны, Англия денежными субсидиями сманила Португалию /первоначально союзник Франции/, воспользовавшись финансовыми затруднениями двора. К тому же выдающийся политический деятель, первый министр португальского короля маркиз де Помбал с самого начала был за это.

Объединенными усилиями, и главным образом португальскими войсками удалось выиграть сражение под испанским городом Кадисом, благодаря чему Английский флот в 1704 году захватил Гибралтар.

Другой союзник Франции Савоя, примкнула к антифранцузской коалиции уже в 1703 году. У Франции остались лишь Испания, Бавария и ряд других мелких государств в Германии. Даже архиепископ Кёльнский, заявивший о своем нейтралитете, проявлял некоторые отхождения от слова в пользу Большого Альянса. Силы постоянного и могущественного союзника – Швеции, были надолго отвлечены войной с Россией.³

---

² [2] Последняя была непосредственно задета разрастающимся влиянием Версаля. Голландские гарнизоны были изгнаны из крепостей испанских Нидерландов.

³ [3] Северная война (1700 – 1724 гг.)

Франция оказалась фактически в полной европейской изоляции. Необходимо было разрезать нависшие тучи либо успехами, либо мирными договорами. Выбор пал на войну.

Военные действия повелись одновременно: в Испании, испанских Нидерландах или Фландрии, южной Германии, Италии и на морях, от чего по обширности театра военных действий эту войну воистину называют общеевропейской.

Во главе англо – голландских войск стоял герцог Мальборо; имперских – принц Евгений Савойский. Французский маршалы К. Л. Виллар, Н. Катина, Л. Вандом, Виллерау, совершили ряд грубейших просчетов, переоценив свои силы и потерпев несколько поражений. Удачно начавшееся наступление в Баварии окончилось поражением в битве при Гохштедте в 1704 году сведя на нет успехи прошлогоднего сражения в этом же направлении.

Победа союзников у Рамильи что в тринадцати милях северней Намюра привела к тому, что были потеряны весь север и восток Фландрии. Битва началась 23 мая 1705 года между 62 тысячами армии герцога Мальборо и 60 – тысячами французов Франсуа де Нефвиля, герцога де Виллерау. С приказом от Людовика XIV вступить в сражение, французская армия достигла равнины у городка Рамильи, но неразумно растянула одной линией длиной в четыре мили весь центр от Рамильи до Офуса. Сильная группировка атаковала левые силы французов, не давая подтянуть подкрепления из центра. Мальборо не разрешил своей кавалерии поддержать эту атаку из-за болотистых почв. И половина батальона из этого фланга промаршировала необнаруженной французами к центру, поддерживать финальную стадию концентрировавшейся группировки нападения. Это сокрушило растянутую армию французов потерявшую 17 тысяч убитыми, ранеными и сдавшимися в плен, / против 5 тысяч солдат противника/, к следующему утру вынужденную поспешно отступить назад.

Потерпев поражение под Турином от Евгения Савойского, французскому маршалу Н. Катина пришлось вывести войска из Северной Италии. В тоже время высадившиеся в испанской Каталонии, при поддержке Английского флота, австрийские войска во главе с эрцгерцогом Карлом взяли Барселону 9 октября 1705 года. Победно захватив Каталонию и Арагон ставленник императора на испанский престол провозгласил себя королем, вторым по счету. В 1706 году им был даже на короткое время захвачен Мадрид, но проигранное сражение заставило сдать город. Продвижение на юг так же закончилось поражением в битве при Альманса 1707 год.

В Средиземном море английский флот напал на важный в стратегическом положении остров Менорку с его городом-портом Маоном.

На французского маршала де Вандома была возложена осада города Ауденарде, когда подошли армии Альянса под командованием герцога Мальборо и принца Евгения Савойского. После массированных маршей и форсирования Шельды, изнуренные отряды атаковали сходу, от начала до конца блестящим мальборовским маневром и сражение стало выиграно с тяжелыми потерями французов.

Победив при Ауденарде союзники перенесли военные действия с Фландрии на землю самой Франции и скоро снова выиграли сражение под Лиллем.

11 сентября 1709 года, но уже во Фландрии в районе селения Мальплаке, что между Монсом и Валансьеном, произошло новое и грандиозное сражение между французской армией К. Виллара, тяжело больного после ранения, что дало ему потом возможность говорить о своей непричастности, и англо—австро—голландскими войсками Евгения Савойского и герцога Мальборо, насчитывавшими 117 тысяч против 90 тысяч.

Савойскому удалось охватить левый фланг противника и отвлечь на себя его резервы. Тогда герцог Мальборо атаковал центр и правый фланг французов, которые после упорного сопротивления потеряв убитыми и ранеными 14 тысяч человек были вынуждены отступить к Валансьенну.

Вскоре в октябре союзники овладели важной крепостью Монс. Сражение за Монс, явившееся для них так же победным, является типичным для периода господства линейной тактики и примером полководческого искусства генералиссимуса Евгения Савойского.

После разгрома при Мальплаке и Монс положение Франции оказалось окончательно безвыходным; военные действия велись уже в глубине ее территории, а все крепости во Фландрии, с которых вначале войны были изгнаны голландские войска оказались в руках союзников. Еще в ...шестом году Людовик XIV был согласен пойти на большие уступки, а в семьсот десятом, в голландском городе Гертруденберг вынужден был добиваться мира даже ценой отказа от испанского трона.

Но изменения международной обстановки внесло существенные изменения в позиции разных участников Большого Альянса. В Англии вигов, являющихся активными сторонниками продолжения войны с Францией, сменили тори, после известия о полной победе России под Полтавой над Швецией. Являясь сторонниками сближения с Францией ставили себе целью борьбу с Россией, за ее невыход в Балтику и присоединение исконно русских земель. Обострились противоречия с Голландией. Вступление на имперский престол Карла VI Габсбурга в 1711 году, сделало реальной возможность объединения в руках Габсбургов австрийских и испанских владений, что грозило повторением времен Карла V, когда под его властью подпало пол – Европы. Это же содействовало отходу от империи многих ее союзников. Их положение, некогда блестящее, еще больше усугубила победа Виллара над войсками Евгения Савойского при Денен.

Денен, город северной Франции в районе которого 18 – 24 июля 1712 года произошло сражение. Французы насчитывали 108 тысяч; австро – голландцы 122. Ввиду двойственности политики Великобритании, где правило тори, не желавшее воевать, тем более в таком изменившемся положении, не в свою пользу, английские войска не участвовали, и Евгений Савойский отказался от решительных действий, втянулся в борьбу за крепости, чем и воспользовался маршал Виллар, 18 июля, форсировав реку Шельда и демонстрацией 22 – 23 числа наступления на Ландреси, которая была осаждена, французы вынудили противника перебросить значительные силы на свой левый фланг, после чего главные силы нанесли удар на Денен, где находились коммуникационные переправы союзников. Уничтожив восемь тысяч из находившихся здесь двенадцати, сами потеряли только две. После потери Денена и как следствие своей военной базы Маршьенна, Евгений Савойский снял осаду с Ландреси и отступил к Монсу и Турне. Сражение при Денен шло так же характерно для тактики и стратегии того века – нанесения ударов по коммуникациям, а не живой силе противника.

Победа при Денен способствовала заключению Утрехтского мира, после которого Голландия, вновь получила право держать свои войска в семи крепостях и городах Фландрии для самозащиты... вновь, после почти такой же как близнец общеевропейской же войны только тогда /за 5—6 лет перед/, ведшейся не с Большим Альянсом, а Аугсбургской Лигой, на тех же самых фронтах, направлениях, тех же почти театрах морских действий, почти с теми же самыми участниками, с той лишь существенной разницей, что там где прежде тянулась цепь неудач, потом шли победы, и даже так же под занавес короткая измена фортуны. А, впрочем, все войны былого напоминают одна другую.

Война с империей продолжалась до – 14-го года и после ее неудач в Испании, где проявились таланты Филиппа V, закончилась подписанием Раштатского мира... Однако, все это было потом /и снова/, а пока все в том же первом году изгнания шевалье д'Обюссон и граф де Гассе только отправляются в свите маршала Катина в Испанию, спешащего оказать свое содействие Филиппу V. Который уже успел сдать Мадрид 26 июня сего года. Так что в Мадрид они не попали по случаю воцарения там нового короля. За него и отличную мадридскую жизнь, на которую они рассчитывали пришлось повоевать и уже только после возвращения столицы и по случаю возвращения мадридского двора на свое прежнее место они разместились сначала при дворце во флигелях, неся ночную дворцовую службу, а затем уж перебрались в город, желая как можно подальше отдалиться и от маршала и от въедливого церковника, которого он взял с собой в роли советника ли?

Близость с ними не предвещала ничего хорошего и друзья считали что правильно поступили, что потерялись из поля зрения, неся караульную службу во дворце, когда галереи темнели тусклым светом, освещая ковровые дорожки, портьеры на стенах и драпировки... Шумный двор стихал, отходил ко сну, вместе с маршалами, дьяконами, придворными и королем. И им так же предоставлялась возможность вздремнуть поочередно.

Со второй половины утра они отправлялись к себе на городскую квартиру, после ужина еще урывая утреннюю тишь, прекрасно разморившись доспать в самом приятном состоянии, какое только может возникнуть в процессе отдыха. Весь остальной день до самого вечера оставался за ними и они отлично проводили время несравнимое ни с какой другой военной компанией. Холодное время и светлая южная весна несравненны с зимой и весной с холодными дождями в той же Фландрии, да и Мадрид это совсем не то же самое, что тот же Лилль, особенно если уметь пользоваться временем. Д'Обюссон отставал в этом отношении от своего друга графа и поэтому ему частенько выпадало прогуливаться по улицам одному, по дороге и находя себе занятия. Так же он прохаживался в тот приметный изо всех остальных день на котором остановится наше внимание. Шевалье от нечего делать беспечно прогуливался и заплутал куда—то слишком в сторону, оказавшись на ремесленной улице оживленной и освеженной от пыли после прошедшего дождя. Заметил как молодой лицеприятный бедолага с котомкой на палке через плечо (видно с деревни) стоял и смотрел как у конюшни взнуздывают лошадь, и зная в этом толк не выдержал.

– Да как ты... Не так. Дай покажу.

– Катись восвояси – грубо оборвал его грузный подмастерье.

– Тебе не нужен работник? – спросил он тут же, самовольно прицепляясь к ремням.

– А ну катись отсюда покуда цел!

И вслед за словами схватив парня двумя ручищами сзади отпихнул его с такой силой, что тот по его намерению свалился прямо в мутную лужу. Вставая парень назвал заскорузлого грубияна висельником, от чего подмастерье не выдержав, схватился за дырну, пошел дубасить и уже чуть не начал, как Франсуа обнажил свою шпагу и преградил дальнейший путь рассвирепевшему подмастерью. Сие вмешательство возымело действие на обоих так как подмастерью пришлось бросить дырну и спастись от того, что увечья пришлось бы получить ему не будь в ногах проворства и отменного заднего хода. Парень же спокойно в это время отрехнулся от воды и поднял котомку.

– Спасибо, синьор. – поблагодарил он шевалье д’Обюссона, – Без вас бы мне этот придурак жизни все косточки переломал бы.

Он мало что понял из сказанного молодым испанцем, но как только смог постарался спросить его имя.

– Фернандо. А вы никак француз. Я чуть-чуть по – французски могу.

– А по—итальянски?

– И по – итальянски немного умею...

Шевалье д’Обюссон что-то решив насчет этого парня вынул из кармана кошель с большим количеством медяков, исключительно мараведи и сентаво: часть выданного жалованья с казны, предпочитавшей рассчитывать этим.

Сменяй на дублоны. Сегодня в ...трактире «Пять тростников» в пять.

И повернувшись пошел дальше. Д’Обюссону нужен был слуга, одного Рамадана им уже не хватало, тем более, что Фернандо был бесценен в смысле языка.

Точно пять, ударил колокол близстоящей церквушки. Сзади к Франсуа, сидящему на стуле в трактире подошел Фернандо, честность и расторопность которого была доказана наменянными и принесенными деньгами.

Однако вскоре такая жизнь для шевалье и графа кончилась, как только снова настал критический момент. Маршал Катина и введливый дьячок отправляясь на юг, туда где снова создалась угроза соединения австрийских войск с португальскими, отнюдь о них не забыли и прихватили с собой, но уже отправив в действующую армию.

Еще не закончилась весна и впереди еще целое лето невыносимой ужасающей жары, от которой не удалось отделаться ни на кусок под городской тенью Мадрида. И наоборот, события развернулись так, что лето, в кое они попали сразу по началу похода, урвало часть прекрасного весеннего времени.

Дорога лежала на юг к морю. Причиной похода являлось то, что там их поджидали английские, португальские и испанские силы эрцгерцога Карла и 25 апреля под Альманса состоялось сражение в котором армия Филиппа V ... снова победила! Можно было считать уди-

вительным тот факт, что д'Обюссону и де Гассе выпадали всегда победные сражения из сонмища всех тех поражений, которые были и которые еще предстояло понести.

Но так или иначе, помаявшись еще в Испании довольно долгое время, несмотря на то, что напряженная обстановка там спала и они привыкли к этой стране, шевалье и граф наведались однажды с визитом к своему непосредственному начальнику и сославшись на то, что при переходе через Иберийские горы граф де Гассе простудился легкими, попросили чтобы их отправили на Менорку.

Глава II. Менорка

Этот живописный по берегам островок: второй по величине из группы Балеарских – тоже Испания и населяют ее такие же испанцы, и не совсем такие же, если принять во внимание постоянную оторванность от страны и резкую очерченность в овальных границах побережья, которое никогда не удерживало за собой мужчин всех возрастов и положений в семейной иерархии, независимо от нее всегда есть и остающихся главными добытчиками: рыбаками и жемчуголовцами, ибо всхолмленная поверхность острова, который без затруднений можно назвать скалистым, или каменистым, не давала возможность земледельцу развернуться; разве что на узких прибрежных низменностях или же зажатых долинках внутри, которые ни за что не возможно предположить, глядя в середину острова из одной из многочисленных лодочных бухточек, поверх сгущающихся к горизонту шапок белесых холмов.

Но несмотря на такие виды, ко времени сбора перца с полей они замечались порой в самых неожиданных местах тем красным маревом, которое непременно привлечет внимание под негустую оливковую рощу, на возделанную ложбинку или же наваленные в сплошные кучи – ряды, отменно – красные стручки этой огненной специи, без которой немислимы на вкус многие приготовленные здесь блюда.

Балеарские острова – это западное Средиземноморье, находясь же северней, этот овальный ломтик суши был открыт на южные французские берега и находился в непосредственной близости от берегов Испании и частности Барселоны, что делало Менорку важным местом на перекрестке путей, к чему выгодно добавлялась врезавшаяся с юга – востока в самую глубину острова узкая и удобнейшая гавань, в которой почти у самого ее изначала раскинулся длиннейший, какой себе только можно представить в здешних водах маонский порт, являвшийся перевалочным пунктом, главным образом для сугубо военных перебросок.

Да, мировая война наложила свой непосредственный отпечаток на видах аккуратного залива, с лазурными берегами по утрам и приятными для глаз заросшими экзотической растительностью видами при ярком дневном свете... всю эту райскую прелесть охранял постоянно дрейфующий в акватории порта и на входе в воды гавани какой – нибудь фрегат, один из двух – трех постоянно охранявших менорский порт и город, следующий сразу за портом. Но и рассказ о самом городе не может начаться без описания ворот в него и на весь остальной остров, то есть порта, приспособленного и для военных целей.

Будучи некогда сугубо рыбацким и лишь отчасти обслуживая торговые дела, он и сейчас был заполнен множеством рыбацких фелук и лодок, под парусом и без, торговых судов, заходящих на время. Но какими бы крупными по размерам не появлялись представители последнего вида судов, над их мачтами всегда много выше возвышались устремленные ввысь мачты военных французских фрегатов и бригантин, стоящих у причалов с краю, дабы своими длиннейшими корпусами не мешать мелкой портовой жизни.

Стояли военные суда только лишь в отведенных для них местах: отстроенных в камне и цементе причалах, появившихся не так давно и в связи с возросшей надобностью. У одного из таких причалов, расположенного вблизи к самому главному месту, растянувшейся длинной линии порта, все свободное пространство было замощено под площадь перед лицевой стороной триединого портового замка, называемого местным фортом Сан – Фелипе.

Сей форт, отстроенный до крепости, с последней войной приобрел важное значение, являя собой в первом головном корпусе некое подобие ратуши, или по крайней мере здание, где располагались штаты военной администрации всего города и острова и куда переместились службы с губернаторского особняка, так как и губернатором острова сделался военный.

Средняя часть портового замка представляла собой, выдающаяся основная серо – красноватая масса крепости, в которой непосредственно размещались казармы не менее полутысячного гарнизона города и на крыше которого располагалась сильная дальнобойная батарея. Своим мощным пристрелянным огнем при поддержке военных судов способная уничтожить все, что бы ни попало в воды залива вражеского.

Третий и самый дальний корпус в какой – то степени даже разъединенный глухой стеной, являл собою городскую тюрьму для немногих нашедшихся и здесь преступников закона, хотя, впрочем, нужно поправиться, найденных совсем не здесь, а в Барселоне, значит еще когда она была у Филиппа.

Окружена тюрьма была густым садом, в понижении обнесенным полуразвалившейся оградой, потихоньку приводимой в порядок новыми хозяевами и на свой манер. Уж коль на складах решеток имелось предостаточно и не было совсем никакой необходимости наглухо отгораживаться от морского бриза с берега моря, который отстоял от зарослей сада совсем недалеко и был завален глыбами осколков неведь откуда взявшихся возле края пристани. У того места где ограда сада сходилась со средним корпусом, являвшимся военно – казарменным, и мощеная булыжником площадь перед его фасадом, отгороженная уже с двух сторон, использовалась как плац, на котором каждое утро на утреннее построение выгоняли два отряда испанцев, в основном и составлявших весь гарнизон, в соединении с крупной частью морского десанта на военных судах.

Если порт был воротами в город и вообще на остров, то сам город Маон – сердцем и столицей Менорки. И как всякая столица в городском подобии был обнесен укрепленными стенами.

Маон, как город со стенами, приобретал большую значимость и для всей провинции. Теперь уже губернатор острова не подчинялся властям Пальмы, но делил мирскую область с военным комендантом и начальником гарнизона, которые и составляли военную администрацию. Власть на Менорке, хоть и не закреплённая за военными никакими ордонансами делилась между собою и губернатором, тоже военным, и в добавление начальником порта и комендантом портового замка, что называется, полюбовно. Но канцелярские службы все же располагались в головном корпусе, где «как у себя» чувствовали себя не все.

Сей административный корпус, огороженный сзади продолжением садовой ограды, огороживавшей задний внутренний двор, торцом и фасадом выглядывал на общую площадь: новую часть от пристани с бригам и до старой площади обращенной к пристаням порта фасадами главной городской церкви св. Фелиции и дома наместника. Но главное почему вечерняя жизнь города переместилась с Рыночной площади сюда: это лишь благодаря тавернам и прочим увеселительным заведениям, открывшимся поблизости к клиенту.

Те же таверны, которые действовали или открывались на Рыночной площади – прямом продолжении Старой: непременно разорялись, или же поспешно продавались под торговые лавки и небольшие магазинчики, торгующие привозным. Здесь так же располагались торговые

ряды, которые и составляли рынок от самых причалов и складов. Днем, по возвращению рыбаков здесь может быть и могло бытьлюдно, но ночью после закрытия рынка площадь выглядела просто зловеще и редким прохожим, попадавшим туда если они были не с парой, оставалось лишь с опаской покидать темную площадь.

Еще что тянуло жителей города к Старой площади, прибавим набожных жителей, это церковь св. Фелиции, где местный падре давал дивные проповеди, на которые любили собираться не только старшие по возрасту, и церковь всегда была переполнена до отказа, а возле ее выхода постоянно обретались нищие, просившие подаяния «ради Христа».

Но пожалуй самым кульминационным всего и вся были не воскресные проповеди, не шумные пирушки, особенные в те вечера, но когда, всего один раз в неделю к набережной подходили группы женщин и девушек и не стесняясь любопытных взглядов в едином порыве скидывали с себя одежды, перед тем как устремиться в ласковые воды.

Это было что-то будоражаще-необычное даже для завсегдатаев таверн, которые всегда затихали... Что было говорить о только что прибывших с Пиреней графе и шевалье, совершенно неожиданно представших перед таинственным интимным действием, свершаемым на глазах у всех. Естественно что этот интимный вечерний эмоцион омовения в их глазах придавал тому месту куда они попали, ту восторженную загадочность, которую скрывал в себе неизведанный город, населенный южанками с такими нравами.

И действительно, городок довольно приятный на вид днем мог убедить любого, что главная его красота и прелесть заключается в красивых темпераментных испанках, живо прохаживающихся по улицам по делам, или без ничего в руках, просто так. Оставалось только благодарить судьбу за то, что она ниспослала на жительство сей райский уголок, на котором с удовольствием можно провести и остальные года изгнания.

Невысокие, выдержанные по форме дома, очень часто белились известкой, что придавало узковатым улицам ощущение простора, свободы, от ослепительной белизны, которую излучали стены домов при ярком солнце. Улицы были составлены компактно, настолько, что последние крайние дома тех улиц, что упирались в берег гавани своими фундаментами буквально находились в воде, словно это было в Венеции.

После осмотра города, который состоялся после утренней поездки за город, которая в свою очередь следовала после вчерашнего прибытия на быстроходном парусном баркасе, шевалье д'Обюссон и граф де Гассе отправились в портовый замок, прежде отпустив от себя Рамадана и Фернандо, которым совсем нечего было там делать. Встретил их и принял капитан де Фретте, как временно замещающий начальника гарнизона.

Занимательно было поговорить со своим новым патроном, да еще у него в кабинете с огромными окнами, примерно на высоте четвертого этажа /нижние поперечные мачты виделись как раз на одном уровне/. Что же касается самого капитана, то он представлял собой образчик командира: – отца своих солдат, то есть человека степенного в годах, что для них сулило приятные дивиденды. Они конкретно не состояли ни в какой части, были лишь частью французского офицерского состава, а по сему утренние построения на плацу их как будто не касались, раз уж капитан де Фретте вводя новоприбывших в курс всех дел лишь упомянул про плац, но в обязанностях, которые им вменялись по долгу службы, не значившийся.

Вдали и в тиши от войны на острове создался благоприятствующий режим несения службы, и самое основное, что надлежало им неукоснительно выполнять это патрулировать в составе патруля, набранного из таких же как они: сначала по улицам города, затем по запущенной загородной дороге в Сьюдаделу, на другой конец Менорки. Назывались эти рейды «молиться», потому как ничего другого более примечательного в том небольшом селении не могло быть кроме древнего готического собора, неизвестно из-за какой такой великой набожности выстроенного в величественнейшем исполнении в такой глуши – задворках Европы. Был еще так же старинный дворец, но он был не для всех, а лишь в крайнем случае для одного.

Но так или иначе, а совершать ранне-утренние поездки в холмистой и дикой местности, где даже дорога во многих местах принималась заростать было весьма и весьма приятно и еще более приятно было после езды слезть с коня на площадке у дверей собора и пройти в прохладный полумрак, создаваемый тяжелыми готическими сводами, кому помолиться, преклонив колени на подножках лавок, а кому и просто посидеть, отдохнуть облокотившись на спинки лавок, вздремнуть в гулкой явной тиши, чуточку очиститься... духовно, после посещения бранных мест.

Для того чтобы объяснить себе загадку места с дьявольским ухищрением, Франсуа долго думал и от себя и у знающих местных, что бы это могло быть? Тонкая вытесанная в высоченный столп скала, на вершине которой словно молот на комле помещен гигантских размеров так же скальный брус, на каждой из граней которого мог бы поместиться целый отряд. Ощущение сверхъестественной постановки, грандиозности усиливалось еще больше когда д'Обюссон, заключив пари с графом де Сент – Люком, сумел залезть на самую верхнюю грань, площадку открытую со всех сторон и небу и окружающему горизонту. И место величественному каменному построению было выбрано самое возвышенное, откуда просматривались большие пространства, вплоть до самой синевы Средиземноморья.

Остров Менорка имел древнюю историю, с той самой поры и перед тем как он был захвачен карфагенянами Ганнибала у финикийцев и тот основал у удобной гавани город, назвав его в честь своего брата – Маго. Меноркой овладели римляне, вандалы, мусульмане, но внимание стоит заострить на предыдущих всем тем, и отстроивших загадочный монумент Друидам, либо на тех кто жил перед финикийцами.

Но жизнь на Менорке состояла конечно же не из одних патрулирований. Частенько, сославшись на недолеченную болезнь легких у графа, от очередного рейда друзья отпрашивались у капитана де Фретте и уезжали на побережье, иногда нанимая для поездки на воде быстроходные тартаны; когда знали что знакомое им семейство снова уехало к себе на виллу, которая находилась в ложбине холмистого берега, но в том месте песчаного, и своим месторасположением, окруженным со всех сторон хвойным лесом, как нельзя более подходила для отдыха. Места там конечно были поразительно приятны, начиная от вида самой виллы с незаметным фасадом, от которого ступами и ступенями уходили вниз к самому песку и воде дорожки и площадки, обставленные декоративной зеленью.

Все было настолько аккуратно и красиво что даже небольшой лодочный пирс несколько вдававшийся в крохотную бухточку резко выделенную телами каменистых холмов, даже этот пирс удачно вписывался в песчаную полосу, на которую волны, если их так можно назвать, наплескивались, словно то было на берегу реки.

От лежащих на берегу морских выбросов постоянно избавлялись, дабы вся эта растительность не прела на солнце и не пахла. А воздух здесь был действительно такой, что его стоило беречь: смешанный морской бриз с ароматным хвойным ветерком представлял собой что-то изумительное.

Забрав с собой Рамадана и Фернандо по их желанию д'Обюссон и де Гассе отправлялись поплавать на лодке по берегам южного побережья острова,⁴ и как-то раз в заинтересовавший их скалистый уголок с гротами.

Что же касается охоты, то она с самого начала была обречена на неудачу, ибо что можно было настрелять на подчас отвесной крутизне холмов с зарослями паквиса и фриганы, состоящие из вечно зеленых колючих кустарников фисташки, мирта, дикой смоковины, сухой травы, можжевельника. Сыпучие известняки, из которых состояли холмы, только способствовали распространению только такой растительности и на них могли прижиться только кролики, или в лучшем случае козы.

Благосклонностью к гостеприимству и радушием владельца не стоило злоупотреблять, но и в тот последний раз, когда они покинули виллу, провели в этом прекрасном уголку природы почти пять дней.

Холодное время года давало о себе знать и дождями, но установившаяся прохладная погода была лишь относительно холодна. По французским понятиям теплая и к тому же солнечная.

В то время как наши друзья шевалье и граф въезжают за ворота города необходимо известить читателя еще об одном событии произошедшем в тихой медленной изгнанческой жизни Франсуа, событии которое позволило ему еще меньше чувствовать и ощущать разрыв с домом: приехал Рено с толстенным письмом от отца и аббата. А привезший сие послание он посмотрел-посмотрел /как он сам потом говорил/ как они здесь живут и решил остаться: Париж его более не прельщал, скукота. Конечно, на его месте лучше было заняться делом, а не шарлатанствовать консьержем, и сейчас Рено стоял на страже ворот и приветливо встретил возвращающихся сообщением приятной вести: к ним собирался приехать Капече Ковалоччо! Не понятно как он разыскал их, но важен сам факт того, что было передано в записке. Он застрял в Марселе и никак не может попасть на Менорку, разве что только смог отправить о себе весточку.

Уже вечерело и четверо конников поспешили как можно быстрее добраться до своих квартир где их ждала записка от Ковалоччо и домашняя обстановка. Квартиры располагались на последнем, втором этаже небольшого здания на улице внутри городских кварталов перед самой Старой площадью, но ее не могло быть видно, хотя и было всего полторы сотни туазов, так как улица слегка изгибалась, стороной, дальней от расположенного на правом краю площади портового замка, который вследствие сего обстоятельства, как бы не был высок и своей темно —коричневатой громадиной не возвышался над городком, с той стороны, которой они пользовались для подъезда к своему дому виден не был.

---

⁴ [1] северное побережье представляет собой исключительно голый, дохлый вид, где пасутся дикие козы и ослы

Глава III. От чего проснулись на следующее утро

Обычно те, кто размещался на городских квартирах, пробуждались чтобы идти на построение от ударов церковных колоколов, звонивших к мессе в точное, определенное время. Вместе с военными на Старую площадь к утренней мессе стекались и горожане. Несколько позже, с расчетом настолько, чтобы те успели собраться и прийти, звучал горн на построение на плац, а для казарм в то же время на подъем.

В то же утро, еще задолго до мессы в раннеутренний час город проснулся внезапно, от глухих пушечных разрядов и стрекотни ружейных выстрелов, несшихся со стороны порта.

Проснувшись все разом, Фернандо и Рамадану нехотя пришлось последовать за господами, еще стараясь понять что их это может не касаться. Поэтому натянув на себя наскоро свой камзол и прочее, шевалье д'Обюссон не стал дожидаться непривычного к этому слугу, схватив со стены в одну руку карабин с патронной сумкой на плечо, другой надевая шляпу с загнутыми полями устремился к выходу, выскочив на лестничную площадку, куда так же выходили де Гассе с Рамаданом.

Откуда столько пушек? /выстрелы продолжали звучать/.

Будем надеяться, что это идут ученья. – ответил граф, устремляясь по лестнице вниз.

Надеяться на то, что австрийцы, по которым стреляли, были чисто умозрительны или по крайней мере фетишны, им приехавшим вчера, было можно и чтобы окончательно ввести себя в курс событий все вчетвером сбежали вниз к выходу.

Между тем глас артиллерии превратился уже в настоящую кононаду. А вместе с треском и шумом ружейных выстрелов в общий ревущий шквал. Палили с форта и с кораблей, а стреляли уже где-то совсем близко.

На улице светало, хотя еще не так сильно чтобы они сразу заметили, что со стороны площади прямо на них двигается масса людей, но шум от их приближающихся шагов заставил обратить внимание. Присмотревшись они явственно различили красные мундиры из-за которых те и получили презрительное прозвище: «красные раки».

– Англичане? – удивился и только, флегматичный на сегодняшнее утро де Гассе.

То были действительно англичане: высадившийся на остров морской десант, на который Англия давно точила зубки, ибо Менорка представляла из себя для флота поистине лакомый кусочек. После... четвертого года, укрепившись на Гибралтаре и получив доступ в Средиземное море начинающей «владычице морей» необходимо стало иметь и новую базу для стоянки флота уже в глубине моря.

И вот что с недавнего времени назревало и непременно должно было случиться произошло на самом идеальном в стратегическом и чисто политическом отношении острове. Он находился с краю, открытым на берега Испании и Франции, он не был Мальоркой, соседним и самым большим островом в группе, не имел город Пальму, и с его отсутствием в составе

испанских Балеар можно было легче согласиться, что потом меньше бы докучало дальновидной политике Великой Британии. И с Менорки... было легче всего и лучше начинать.

Этой ночью английский флот вплотную подойдя к острову у самого устья гавани бесшумно взял на abordаж слишком вышедшую и отрезанную дозорную тартану. Проход по гавани по-видимому до самой последней минуты оставался незамеченным, раз уж первой заговорила корабельная артиллерия англичан, от звуков которой и пробудился весь город, но не портовый замок. Гарнизон был застан врасплох не совсем так неожиданно, как могло бы показаться с первого взгляда. В казармах крепости был уже дан сигнал тревоги, но бастионы с артиллерией молчали. Оборона была застана врасплох и нарушилась цепочка взаимодействия. Фрегат который по замыслу должен был отойти в дальнюю тупиковую часть гавани, дать свободно отстреляться французской батарее и уже затем подойти уничтожить то, что выдержало огненный шквал; сейчас же стоя у пристани напротив и своим корпусом, а больше присутствием мешал открыть вообще какой – либо огонь. Командир батареи боялся и выжидал либо приказа, либо когда французский фрегат отойдет по намеченному курсу. На нем всю шла подготовка к встречному бою. Буквально перед носом подходящей эскадры забелели паруса.

При дальнейшем рассмотрении оказалось, что англичане зашли намного дальше того, чем казалось. Один большой корабль ушел далее вглубь порта и успел блокировать выход французского бригаа, совершенно ни к чему не успевшего подготовиться. Команда бригаа «Ореол» не успела его даже развернуть правым батарейным бортом.

Подошедший английский линкор обыкновенно взял практически беззащитное военное судно на abordаж с классическим совершенством, каким это умеют делать англичане, когда представляется такая возможность.

Сразу же был высажен и морской десант в количестве нескольких сотен, который поотрядно отправился на штурм портового замка. На Старой площади в продвижении широкой массы англичан произошла заминка. Сверху по ним ударила французская артиллерия, которую успели переориентировать. Били всеуничтожающей картечью, грозя за пару минут превратить сбившуюся толпу в кровавое месиво. Положение наступавших усугубилось и тем, что толпа не могла податься ни назад, ни скрыться за каким-либо укрытием, лишь только по инерции продолжала слегка перемещаться вперед под давлением задних, в то время как передний отряд с каждым все более метким выстрелом терял десятками и пятился.

Но раздалась верная команда и первые два отряда увильнули вправо как раз на ту улицу по которой сейчас отбегали назад двое мушкетеров и их слуг. Офицер, спасший положение вел боевые части в обход.

Отходим через переулок! – крикнул отбегавший впереди всех д'Обюссон вспомнив о небольшом проходе между домами: ближайшем.

Шественно наступавшие под прикрытием улицы англичане конечно же замечали впереди убегавших от них группу людей, но те слишком уж добросовестно при этом жались к домам и выступавшие углы этих домов очень мешали обстрелу. Сочтенные за испуганных горожан ретиравшиеся получили вослед лишь пару потраченных зря разрядов.

Пространство разразилось долгим гулким взрывом. Взорвался защищавшийся фрегат от точного попадания в пороховницу.

С неприятным осадком в душе от зловещего раскатистого грохота над городком граф де Гассе с оглядкой юркнул в темноту проулка последним и выбежав на противоположную более светлую сторону остановился около Франсуа.

Улица, которую они рассматривали, представляла из себя тихую ювелирную улочку, упирающуюся в заделанный под глухой тупик у решетчатой ограды заднего двора крепости, о котором кроме них пока еще никто не знал. Двор и задняя сторона тела корпуса были безлюдны и заброшены в этот развевающийся бурными событиями утренний час. Прорехами тыла, пока тыла, выпало заниматься им.

Необходимо было во что бы то ни стало приостановить победное шествие красных мундиров и именно в этом переулке, иначе замеченные в обратной стороне улицы от портового замка, так же отходившие к нему оказались бы отрезанными.

Свои... – определил шевалье, всматривавшийся по улице влево, в противоположном от крепости направлении, на бежавших группой людей, и оторвавшись взглядом устремил его на занятие с пороховой сумкой и карабином.

Фернандо, присевший на корточки за углом и за д'Обюссоном принял поставленную перед ним сумку на длинном ремне, и брошенный на зарядку пистолет, добавленный к двум прихваченным единицам огнестрельного оружия, каждое из которых он старался как можно быстрее зарядить, проворно работая шомполом.

– Побыстрее, Рамадан! Ружья, пистолеты, шевелись! – прикрикнул граф на своего разложившегося помощника, по другую сторону прохода. Его хозяйство состояло из кучки пороха, белых пыжов, пуль и даже обнаженного кинжала, не говоря уже о пистолетах. Шевалье д'Обюссон заметил сзади, в Фернандо какое-то несоответствие... На голову его была поспешно нахлобучена съезжающая на бок кираса со свисающими незашнурованными шнурками...

...Поспешно надевая сей шлем, который у него остался еще с Фландрии д'Обюссон обернулся на подбежавших к ним сзади двух офицеров, так же французов и солдат.

Пока оставалось время, он сказал одному из солдат, надежному на вид, бежать в крепость, подвести людей к задней стороне, которую необходимо будет оборонять.

Тот побежал. Оставались считанные мгновения и принимавшие бой выразительно переглянулись между собой. Они уже приготовились и отступать было поздно. Выглянув в проход пока никто не показывался в просвете Франсуа заметил еще одну немаловажную деталь: по боковой стороне дома по их углу была выложена небольших размеров цементная планка, для удержания ли угла. Такова уж была архитектура, пошедшая только в пользу против рикошетов.

После, на миг воцарилась тишина, пока шаги наступающих не стали слышны все явственней. Становилось светлее и менее прохладно. Франсуа пристегнул и поправил кирасу получше.

Глава IV. Схватка в проходе

Нестройные шаги толпы чувствовались уже за противоположным углом, и только сейчас за миг перед тем как уже можно будет нажать пальцем на курок, Франсуа по настоящему задумался о жизни и смерти... что-то с ним будет через минуту после предстоящей перестрелки? Ему так показалось, что не спроста его охватили подобные мысли. Этот бой по всем расчетам должен был быть последним для всех.

Меж тем в просвете уже появлялись силуэты и устремлялись по мощеному бульжником проходу прямо на них, но только первые, издали крик опасности и стали заносить дула ружей на выстрел как раздалось несколько размеренных выстрелов и просвет снова расширился с последними упавшими.

Шевалье д'Обюссон бросил назад выстрелянный пистолет, прихватил за длинное дуло прислоненный к стене карабин, выглянув вместе с дулом выстрелил не целясь. Полилась перекрестная пальба: в проход затемненные силуэтами и в ответ. О прочную звенящую поверхность кирасы расплющилось и отскочило по меньшей мере две пули, когда заменив карабин на пару принятых пистолетов он выглянул посмотреть.

Получилось так что когда он одновременно выстрелил из пистолетов в одно время с ним выстрелили и все остальные залпом после чего прореженный просвет поспешили покинуть оставшиеся на ногах.

Но почти сразу же, через несколько секунд в проход из-за углов высунулось несколько длинных стволов и для отстрастки стали стрекотать в пустую, что называется махать кулаками после драки, или же готовясь к новой атаке.

Граф де Гассе, беря подаваемый снизу Рамаданом пистолет, вдруг резко с ним в руке обернулся назад, заметив идущего по той стороне улицы какого-то солдата... Одетый не по форме он в то же время имел при себе оружие, но проходил возле них не задерживаясь. По его недоверчивому взгляду можно было легко разгадать, что тот на них смотрит как на самоубийц; и ни за что примыкать к ним не собирается.

– Эй! – окликнул его граф, и уличенный в трусости наглядного дезиртирства с поля боя солдат /впрочем, шедший в крепость, где сейчас было быть может жарче/ остановился, больше от того, что к возгласу был прибавлен невольный жест руки с пистолетом.

– Беги, приставь лестницу на вход, к бойнице. А остальные попытайся поджечь на складе со всем инвентарем.

Удовлетворенный приказом, солдат бегом побежал исполнять приказание. Защитники переулка и сами были не прочь последовать за ним, но было еще рано и поздно... Стоявшие за прикрытием, оставшиеся из перестрелянного авангарда дождавшись значительного подкрепления стали готовиться к новой атаке. Это можно было определить по пропавшим шагам подошедших, и затихающем шуме... и установившейся зловещей тишине.

Д«Обюссон, перед «концертом» по замыслу должным подействовать на нервы, повернул голову на противоположный угол, к коему были приставлены кремневые ружья, как бы

удостоверяясь в их реальности, а так же двух пистолетов, которые он держал сам. Выглянул за угол, и как раз в этот момент, нарушая тишину, с дикими гиками, с обеих сторон в проход хлынула масса людей с длинными металлическими стволами, не стрелявшими даже у передних. Но отсюда, стреляли, и довольно точно; каждая пуля неминуемо шла в цель и ложилась, сраженного под ноги надвигавшейся массе, от чего быстрота продвижения наступавших была затруднена и спала совсем, когда передние завалились, споткнувшись сначала о прежде оставленные тела раненых и убитых, а затем и друг о друга. Одна овца испортила все стадо.

Атака, так же как и крики сбилась на ответную пальбу. Длинное пространство прохода заволочло белым пороховым дымом, в котором происходило уже неясно что. Желая помочь, тут даже Фернандо прицелился и выстрелил в пугающую неизвестность, из тяжелого неудобного ружья.

Но все же настойчивое продвижение вперед привело к тому, что красные мундиры несмело вынырнули из дыма и оказались почти совсем близко, хотя и без растерянного напора, с коим ринулись. Разряжая в одного падающего за другим, Франсуа горячо откидывая пистолеты назад Фернандо, выстрелил карабином. Принимая прилетающее иногда в него оружие, сидевший внизу на зарядке работал как механизм. Получилось так, что подавая оба заряженных пистолета в невидящую руку шеваля /тот не мог оторвать взгляда от оказавшегося перед ним англичанина/ заметил и почти в самый последний момент выстрелил в упор, подкосив. Схватился за раненное плечо, от прилетевшей откуда-то пули. Франсуа самому пришлось наклониться вырвать пистолет. Движения Фернандо затруднились, в самый болевой момент показались невозможными. Он сидел зажав плечо.

Предчувствуя катастрофу Франсуа, схватился за шпагу и устремил ее за угол. В какой-то просветный момент когда противник показалось прекратил атаковать, предпочитая залечь в перестрелке с земли, а Фернандо, что называется, снова вернулся в строй и уже успел зарядить пару ходовых пистолетов; повалила основная масса на которую уже пришлось нападать всем дружно, одной пальбой уже отделаться было невозможно.

И благо ширина прохода была неширокой и к тому же заваленной пораженными, и десятка, полных отваги отстоять людей, сумели задержать и заставить на шаг отступить, бешено вгрызаясь против отбивавшихся ружей клинками шпаг. Но масса безрассудных напором подалась вперед и прорвалась через центр хотя туда и кинулся Фернандо с пистолетами. Показалось пришел конец; но прорыв англичан не получил дальнейшего развития упершись в новую преграду... подскочивший удивительно вовремя маленький отрядик таких же как и они потянувшихся к фортеции, возвращавшихся со стен. Завязалась ожесточенная схватка. Гибли стой и с другой стороны, но раки, вооруженные частенько одними лишь стволами ружей, после стрельбы, не успевши перевооружиться заняли больше защитные роли и дрогнули... сначала подавшись назад, а затем устремившись по телам своих товарищей всё назад же. Захлебнувшуюся атаку приходилось донимать для порядка еще некоторое расстояние по проходу, пока англичане не откатились настолько, чтобы не повернуться обратно.

Переступив через тело убитого офицера /скомандовавшего войти на улицу/ возвратившийся, но больше развернувшийся граф де Сент-Люк не мог не обернуться оглядеть все еще раз.

– Браво, настреляли.

Проход снова расчистился от рассеивающего поднимающегося вверх дыма. Граф де Гассе держался за раненную голову.

– Ну что, отходим?! – предложил шевалье д'Обюссон в безвопросительном тоне, – второй раз нам это не пройдет.

При взгляде назад на заднюю сторону портового замка можно было заметить длинную деревянную лестницу, приставленную к одной из ряда зияющих пустотой бойниц. Чем скорее они в ней скроются, тем будет лучше для них же и соединенный отряд не теряя попусту зря времени бегом устремился по улице ювелирных мастерских и лавочек к решетке. Бежали со всем своим огнестрельным скарбом; отстали те кто помогал руками бежать раненному товарищу, а затем и вовсе подхватили его под мышки; быстрее к спасительной крепости.

И только когда трое последних добежали до железной ограды, и стоявший на воротах закрыл за ними сбив с замка щеколду, услышали первые выстрелы, что означало: проход был взят. Только сейчас к откинутому авангарду подошла остальная часть колонны отряда идущего в обход и дабы не создавать пробку пришлось решиться на новую атаку. Преодолев проход заваленный собственными потерями на следующую улицу они вышли совершенно рассверипелыми, и тот час принялись стрелять вдогонку.

Но забирающихся /без рук/ по средненаклоненной лестнице это уже мало волновало, они проникали вовнутрь в каменные укрытия.

Стало достаточно светло чтобы разглядеть заднюю сторону, часть среднего корпуса крепости Сан-Фелипе с опасно большими пустыми глазницами бойниц, или даже окон. Но эти окна или оконные проемы находились не так низко, как могло бы показаться на первый взгляд, если судить по тому, что лестница была наклонена со средним уклоном на первый этаж. Объяснялось все тем, что этот первый этаж находился намного выше классического, первого, но ниже второго, так что до него не возможно было дотянуться, даже если встать на спину помощнику.

Последний из залезавших спрыгнул за окно вовнутрь темной и пустой галереи похожей на вытянутую залу с ансамблем окон. Лестницу сразу же стали заволакивать в свою сторону, дабы она не досталась англичанам и ею не воспользовались. Край уперся в противоположную сторону и далее не пошел как его не загинали. Пришлось сломать.

К внешней стороне решетки подбежали что называется «первые ласточки» и зазевавшийся Фернандо попал в неприятную историю. Пуля попала в деревянный приклад кремневки, расщепив его вдребезги, отчего герой события от испуга ли, или же от воздействия шарахнувшись упал на мешки, наваленные в кучу. Д'Обюссон поддержал Фернандо за руку при подъеме, осмотрев нет ли ранения.

– Осторожней нужно!

И показал пример осторожности при выглядывании, когда ему были видны и поверхность новой брусчатки двора и то, что творилось за ней. Английские солдаты широким подбием колонны направлялись на них.

В сырой со сквозняком галерее было холодно; настолько, что переведа дух после бега организм невольно содрогнулся. Не по себе было еще и от того факта, что в галерее кроме них

никого не было. На них осталась оборона этой стороны, в то время, как другую защищал весь гарнизон. Доносились и иной раз эхообразно гремели гулкие звуки горячего боя.

Каким бы он не был горячим, как бы не отрывал от себя последние силы, но забыть о тылах, когда туда заходят добрые две сотни! /из прохода все продолжали выходить, растягивая хвост колонны узкой змейкой /. А не задержи они у прохода на десяток минут?...И не будь их вообще здесь?! Тогда практически стал бесполезен бы тот бой, что велся на переднем крае!

Видно слишком ошеломительны своей внезапностью были свалившиеся как снег на голову английские корабли уже идущие на маневр, с разворотом батарейного борта, и слишком силен был штурм крепости, что заставил все позабыть.

Здесь только готовились к отражению нападения, которое пока не представлялось возможным. Сие впечатление сильно увеличивала высота оконных проемов над землей и железная решетчатая преграда. Но как говорится на словах «волна атаки» так и еще хуже чем так бывает и на деле. Все преграды сметаются на пути у людей, все немислимые своей неприступностью бастионы берутся.

Пока же, однако, змея медленно медленно извиваясь приближалась к хрупкой железной ограде. Первые языки, ее уже достигли и остановились, стараясь скрыться за более-менее широкими чугунными столбами и уже оттуда повести прицельный огонь.

– Конец нам. – проговорил кто-то тихо, может быть даже сам себе... но все услышали.

– Там небось и не знают, – подхватил другой.

– Три сотни, скоро узнают.

– А подмога?

– Подмоги разве не будет?

– Сходите кто-нибудь.

Кто-то пошел.

– Третьего отсылаем и все с концами. Что такое я не пойму?! Кто кому из нас должен? – возмутился шевалье д'Обюссон. – Эти испанцы тупостью своей меня уже давно выводить стали.

Граф де Гассе:

– Что ж терпи, не тебя одного...

Он неожиданно замолк после звенящего выстрела пули, отколупнувшего от камня осколки, пришедшиеся по-видимому по графу.

«Опять ему попало» – подумал шевалье д'Обюссон, и в то же время обернулся под радостные крики с коими встретили не критически настроенные подход подкрепления...

Однако же восторженные нотки стали стихать усталыми, и даже разочарованными, когда за капитаном де Фретте вошло не более полтора десятка приведенных им испанцев, под своим главенством, что весьма и весьма удивило д'Обюссона, считавшего, что он командует всем передним краем.

В самое первое ответственное время он и командовал, включая и все организационные вопросы, и повел своих в ответную контр-атаку, когда после первого натиска, силы штурмующих стали откатываться и к пристани стали приставать баркасы с фрегата. Словом, эта атака была взаимно отбита и вернувшись за свои стены, капитан де Фретте вспомнил о чем совсем забыл. Набрав горстку отозвавшихся храбрецов устремился с ними в галерею и сейчас принимая на себя командование и здесь; со знанием дела проходил по небезопасному пути, не взирая на рвущиеся пули: расставлял бойцов по бойницам и приказал:

Задрайте где есть, решетками! Спустите их!

Решетки должны были быть везде, а не только в трех начальных... и подосадовав на элементарную и преступную безответственность, допущенную прежде, сменился на жизнерадостного человека и прежде всего командира, дабы подбодрить боевой дух французских офицеров, к которым подошел и обратился по французски с приветствием.

– Ух, сколько их. И-и-и! – говорил он, поглядывая в оконный проем со стороны. – Однако, к бою, господа! Враг не ждет.

Внимание многих снова обратилось на улицу. Англичане уже не колонной, а боевым строем приближались к решеткам ограды, то есть давно уже находились в поле обстрела. Но тонкие стальные прутья чисто морально воздействовали на противника с той и с другой стороны и подходящие резонно полагали, что лучше всего начать точный прицельный огонь только когда подойдут насколько можно ближе и остановятся. А засевшие защитники считали точно так же, но с той лишь разницей, что их огонь не будет нуждаться в прицеле.

Однако, чтобы хоть как-то уменьшить количество наступающего врага и успеть внести в их ряды смуту капитан де Фретте не дожидаясь, когда англичане дойдут до преграды, приказал открыть бешеную стрельбу, и вмиг, доселе сидевшие и чего-то выжидавшие, как опомнившись, дали волю рукам и оружию, разряжавшемуся в самую гущу инертной массы людей, которые так же в долгу не оставались, особенно когда они подошли в плотную к прутам и уже оттуда повели сильнейший обстрел всякого окна, от чего смогли ранить нескольких, но главным образом сбить свинцовый дождь сверху. Но и не смотря на это сами они продолжали терять куда больше, но как-будто не понимая всю невыгодность и гибельность своего положения, продолжали оставаться в общем плане бездейственными, лишь раздражая свою инфантильность. Всплески эмоций выражались главным образом в спонтанных, неорганизованных попытках нескольких человек перелезть через ограду и устремиться во двор. Однако же пресекались такие попытки тем, что засевшие в галерее защитники, а их было уже не много не мало с четверть сотни, направляли дула своего оружия к тем местам, убивая всякое стремление к начинаниям на корню, то есть и вниз того места, где стоя или в полуприсяде унятые продолжали обстреливаться.

Не скоро и не сразу капитан де Фретте разгадал безынициативность в действиях англичан от самого начала. Они шли на штурм шагом, неразумно, подчиняясь лишь общей стадной инерции. Особенно это явно проглядывалось... через прутья решетки. Старый капитан еще

в самом начале заподозрил в действиях англичан неладное. Его опытный глаз не врал: у них не было командующего офицера.

Берегите боеприпасы! – крикнул граф де Гассе, – У нас не хватит пуль!

У нас не хватит пуль?! – переспросил де Фретте удивленно, – Рошен, сбегай на склад. Мешок пуль и боченок пороху!

Рошен собрался было бежать по приказам, но остановился, вопросительно посмотрев.

Я столько не унесу-у. – протянул он с гундосеньем.

А-а! Какой ты глупец! Сошлись на меня, скажи чтоб помогли.

Этим он, капитан де Фретте как будто руки развязал и его ребята еще более увеличили количество выстрелов с их стороны, отвечая на равных. Особенно в этом преуспели пары Фернандо – д'Обюссон, и Рамадан – де Гассе. Первые конечно же заряжали и даже взводили курок, а шевалье и граф стреляли.

Бойницы... , некоторые были настолько большими, что вполне могли бы сойти за низкие двери, и как раз на них, самых опасных местах обороны не было железных намордников, тех самых задвижных решеток, нужду в которых они так остро испытывали. За ними себя просто можно было уверенней чувствовать. И именно через самые большие проемы штурмующие должны были пытаться проникнуть вовнутрь.

В своих размышлениях на предстоящий бой капитан подумывал об этом, глядя на разгорающееся пламя в дымящем дощечатом сарае.

Глава V. После штурма

Английские солдаты, после нескольких пресеченных попыток более не собирались проявлять свою инициативу, но уже и потому ей неоткуда было взяться, когда за спиной командует офицер и уже не один, отыскавшийся.

Офицеры сошлись в группку подальше от поля обстрела, за завесой дыма и сараем; обсуждать тактику и кое-что решив оттянули в свою сторону большую часть, из под обстрела, очевидно собираясь пустить их через боковую сторону, но не сейчас, когда это бы просто ни к чему не привело.

Оставшиеся, тем временем, начали потихоньку разносить ограду. Один пролет был с корнем ли выдернут и опрокинут. Ворота же так и не были открыты. Англичане так или иначе очистили середину, постарались найти себе хоть какое-нибудь укрытие, под основанием ли ограды или даже залезли в соседний дом и оттуда с высоты, несколько большей, чем глазницы крепости повели стрельбу. Некогда блистательного положения засевших осажденных как не бывало, с момента как сержант Теодюль только произведя выстрел, дернулся телом и даже не вскрикнув свалился навзничь. Пуля пробила лоб. О мгновенной смерти говорило еще так же и то, что кровь, выплеснувшаяся на лоб более не сочилась из отвратительно – бурой дыры. А еще только что он смотрел с высоко поднятой головой, как она вдруг невольно приподнимается, как когда возникает желание посмотреть повнимательнее или же задуматься.

Кончались патроны, Рошен все еще не возвращался и капитан де Фретте уже склонен был к решению послать еще одного, но отвлекся наблюдением. Несомненно готовилась атака, ему подсказывало об этом его чутье, опытного, стреляного вояки, по возне определившего не только намерения, но и кое-что конкретно полезное.

Заметно поубавилось пустопорожней палбы, под завесой все усиливавшегося дыма на ветерок, начались перегруппировки. Откуда ни возьмись, появилась откуда-то притащенная лестница. Дым начинал щипать глаза, когда ветерок дул на крепость.

Кто понимал, что готовится, отчаянно стрелял, стараясь сорвать атаку и внести в ряды противника как можно больше замешательства и урон. Кто воевал, понимает насколько это важно, и, если выразиться вернее, насколько важно чувствовать себя в бою в отношении ослабленного противника, пусть даже во многом превосходящего.

Кто же считал, что это бесполезно оглядывался налево, высматривая в темноте выход. Со склада все еще не возвращались, хотя и пули и порох были экстренно необходимы... на носу штурм. У кого кончались пули, но оставался порох, выстреливали его, хоть и впустую. К приближающемуся ответственному времени все больше становилось тех, кто начинал экономить, или вообще прекратил стрельбу, от чего шум, со стороны осажденных начал стихать. Но кое-кто делился с той непосредственной солдатской взаимовыручкой, которая присуща военному делу и отношению.

Фернандо, запасливый малый, ни в чем недостатка не испытывал. По-прежнему карманы его штанов оставались набиты различным, чего напихал еще в квартире. И у прохода он мало что оставил: так что обнаружив в своих карманах целый склад столь необходимый в текущий

момент, когда пороховая сумка была опустошена и поделена с Рамаданом, принялся вытаскивать все из карманов и даже делиться с теми у кого вообще ничего не осталось.

Вмиг вокруг него собрались берущие без особого на то соизволения. Да и как можно было отказать тянущимся жадным солдатским рукам в порохе. Фернандо только и успел, что вытянуть себе полную жмень. Не сетуя долго на свою неводержанность, принялся за свое прежнее дело, заряжать: углубить в дуло с патроном шомпол и подавать, взводя курок.

От его новой порции пуль выстрелов стало значительно больше, но намного бы их не хватило: и каждый кто это чувствовал понимал насколько безрассудно выстреливать все сейчас, надеясь на подвоз, и с пониманием возникало желание остановить от пагубного шага, и остановиться самому. Но молчать вовсе было невмочь, выстрел за выстрелом, и вот уже невозможно себя остановить, подчиняясь общей настроенности.

Неожиданно из-под низу появились англичане вместе с лестницей. И в то же время, вставая на каменное основание, подведенное под решетку, «красные раки» как на пружинах запрыгивали выше и держась за шпиль ограда перелазили через него. Чуть только они спрыгивали, сзади них, почти над ними, появлялись дула ружей и старались подавить огонь напротив, но все равно с решеток падали и стрельба еще более усилилась, даже не смотря на то что из-под самого низу уже не давали высунуть и краешек ствола для более лучшего прицела.

Уже приставляли лестницу... Патроны были на исходе и как раз в этот самый момент услышали сзади:

– Патроны!

Рошен и посланный с ним притащились очень не вовремя, немного бы пораньше. И многие растерялись оставшись в нерешительности: то ли стрелять по бегущим, то ли сбегать к мешочку и боченку – запастись. В сей каверзный момент капитан де Фретте вовремя оценил ситуацию и нашелся что крикнуть:

Рошен, разнеси!

Рошену еще предстояло взламывать и разрывать. А что было бы если б сейчас возле него столпились в ожидании? Так же каждый, успокоившись, с остервенением, вызванным при виде бегущих, без сожаления, тратили в них последнее. Количество выстрелов было уменьшившееся до минимума возросло до залпово-шквальной слышимости, да и как было не принажать, когда через решетки уже валом валило. А в пустой пролет между решетками в маршевом беге вносилась двухрядная толпа, несущая вторую лестницу.

Первую же, с большими трудностями, но удалось приставить к большому оконному пролету в самой середине и шевалье д'Обюссон занялся ей. Прислонившись к стене между пролетами, то есть выбрав почти не достигаемое место, оттуда под резким углом, почти прильнув к холодному кирпичу стал прицеливаться по одной из продольных рей лестницы, прогибающейся под тяжестью ступающих ног.

Первым же выстрелом он перебил рею с ближайшего края, но лестница держалась, и заходя по ней смельчаки у самого пролета ввязались в схватку. Предстояло перебить второй дальний и самый неудобный край. Не сразу, но и во вторую ему удалось попасть, от чего

английские бои⁵ с треском загремели вниз. Но радость тут же омрачилась подставленной к пролету другой, невесть откуда взявшейся лестницей, которая была словно настил из-за частых перекладин по которым можно было ступать не сомневаясь, и длинны она была такой, что составляла к подоконнику не сильный уклон. Ее конечно же невозможно было разбить пулями, но в невероятных усилиях, рискуя жизнью солдатам ударами прикладов удалось выпихнуть конец лестницы, уже зацепившейся краями, загнутыми для зацепа.

Лестница тяжеловатая упала на политый кровью булыжник... И в рядах или тогда уж в ряде испанцев и французов заметно поубавилось людей. Кто был убит как сержант Теодюль, кто тяжело ранен, что даже не мог заряжать.

Скинутую лестницу снова подхватили и сильные руки снова водрузили ее на прежнее место, не понятен был только порыв молодого юноши вставшего, что называется грудью и оттащенного товарищами.

На смену ему и другим встали расправившиеся со своими делами Рошен и кто-то второй, что был с ним. Капитан де Фретте так же устремился к тому самому опасному пролету, организовал защиту, и напрямую, и особенно по боковым бойницам, на которые так же возлагалась большая надежда... они и подстреливали на первом этапе лезущих, насколько им это удавалось. Но видно все уж англичане любители и знатоки мореходного дела, с выучкой канатолазца кто смог и под сильнейшим обстрелом добежал к самому верху там уже ввязавшись в драку. Того первого ранили, но не так-то просто было совсем свалить. Этот крупный малый казалось со всех сторон принимал на себя выстреленое, но продолжал проворно орудовать шпагой, когда падали другие. Но места тотчас занимались и на смену одному, подстраховав пышногривого удалыца, появлялся другой. Он-то и выстрелил первым в того, кто смело высунулся в окно... Поступок смелый и самоотверженный, но героя сразу же нашпиговали свинцом и как всегда с героями бывает, он поплатился жизнью.

И в тот же момент, воспользовавшись неудачей внутри, туда устремились двое – трое со шпагами наперевес. На них в свою очередь так же накинудись и особенно в этом преуспел граф де Сент-Люк, скрестивший шпагу со здоровяком и сильно сбив, проткнул тому живот. Рошен с д'Обюссоном так же налетели на другого и «загнув» накинудись на новых желающих, еще стоявших на лестнице. Несколько прямых резких ударов: скинут один, другой, повалился третий, Фернандо вдобавок выстрелил из обоих пистолетов почти одновременно, и лестницу перевернули, скидывая оставшихся; попытались вообще скинуть, но она была зафиксированна снизу и опять новый ряд взбирающихся: срывающийся вниз, пополз неизменно вверх.

Снова завязалась схватка, защищающиеся старались не допустить противника вовнутрь и прилагали к этому все усилия. Не приводя все подробности, а они были порой ужасны.. для того, кто упал вниз с пронзенным горлом, обратим внимание на то, чем все закончилось. Шевалье наклонившись в очередной раз к Фернандо за заряженным и не дождавшись такового за то время остановился взглядом на одном предмете. И неожиданно сорвался, побежал. По его бегу чувствовалось, что он не сбегает и окончательно де Гассе успокоился, когда его друг схватил полуопорожненный боченок с порохом, в два прыжка оказался у горящей пакли / с ней капитан вошел/.

---

⁵ [1] Воу – мальчик.

Неожиданно перед англичанами возник этот самый боченок и факел над ним. Намеревались ли его скатить вниз, сунув в него прежде огонь, что смело бы их и пожалуй на половине двора никого бы в живых не оставив. Паника мгновенно передалась со сбегающих вниз на остальных, от чего двор вмиг очистился. Но в тоже время по бочонку повелся жаркий огонь и его пришлось скатить по лестнице и за нее. Теперь уже можно было и поменяться ролями.

Горстка осажденных выдержала натиск многочисленной английской части. С нижних бойниц портового замка даже прекратили стрелять, переводя дух и оттаскивая раненых, заряжали свое оружие и конечно же внимательно наблюдали за врагом. Их разделяло шербатое ровное булыжное пространство, по которому разложились тела убитых, особенно их много валялось за решеткой.

В этой стороне крепости наблюдалось затишье, не стреляли и англичане, что нельзя было сказать о другой стороне портового замка. Но что там происходило невозможно было понять, а на этой противник как-будто к решительным действиям не готовился. Чего было выждать? И обман с пустой бочкой раскрылся вместе с тем как деревянную посудину расстреляли до совершенного излома, и посмеивались над тем, как штурмовиков напугали.

Со стороны защитников галерей так же не проявляли никаких признаков, агрессивности, даже наоборот желали чтобы временное затишье продлилось насколько можно дольше; после напряжения всех нервов так приятно было расслабиться. Но вместе с тем нарастало непонятное тревожное чувство чего-то готовящегося за всей этой тишиной.

Вскоре все выяснилось, почему затихли англичане. Те кто наблюдал заметили, что к переднему участку подтащили артиллерийское орудие и поставили как раз так, чтобы стрелять через прореху в ограде, напрямик. И те, кого это непосредственно касалось отпрянули от центральных пролетов. За ними потянулись и некоторые другие, к примеру Фернандо, вкровь изранивший свои пальцы и признаться явно подумывавший отпроситься по причине заячьей болезни.

Капитан де Фретте не сдавался, определяя вид пушки, новенькой, что и вселило в него надежду... Тонкий ствол, который, заряди его неправильно, главным образом переложив пороху, мог разорваться в слабом месте, только бы нанеся большой урон и рассеяв надежду на успех.

Он обернулся и крикнул Рошену: бежать к де Эльяну за подкреплением! И прогремел первый, разразившийся неожиданно рядом, чем объяснялись и снесенные по пути выстрела ворота. Последние надежды рухнули. Пушкарь оказался как будто толковый, раз так, умел не только заряжать, но и точно попадать в цель, в бойницу, которая превратилась в брешь в стене. Со следующим разом брешь угрожала вырасти в пробоину в теле крепости, но дожидаться этого никто не стал; хватая раненых, каждый кто как мог быстрее убегал прочь от возможного кошмара, не только от разрывов, сколько из-за пороха раскиданного по полу, попадание в которого хоть искры, грозило бы неминуемой гибелью.

Но взрыв и возможный обвал потолка мог произойти лишь в дальней части галереи, а в узком проходе куда все забежали их спасли относительно мощные стены, а по сему они и остановились там, наблюдая, что будет дальше. Чувство солдатской ответственности и здесь не покинуло маленький отряд, они наблюдали за тем, когда же в проломе появится лестница и первые люди, а капитан де Фретте пошел даже дальше, сколько его не уговаривали, он с боль-

шим риском для жизни наблюдал из ближайших зарешеченных пролетов о передвижении противника. Но все же упустил момент, когда после очередного взрыва, небольшая группа с лестницей пробралась у подножия к бреши...

Лезут! – заметил с коридора, но было уже поздно что-либо делать. Это понимал и капитан, отстреливаясь, отходивший по проходу.

Ну его к черту! – проговорил шевалье д'Обюссон в разочарованном тоне, – Отходим, ребята.

Его обыкновенные слова были восприняты если не как приказ, то побуждение к действию, и захлопнув за собой дверь... и закрыв на задвижку, устремились дальше.

Через дверь стреляли и кто знает, если бы узкий коридор скоро не завернул бы в сторону, чьи бы жизни угасли в темноте прохода из убегающих последними французов.

Ближе к окончанию сего коридора, смахивающего по глухоте больше на тоннель, они столкнулись с Рошеном и еще несколькими, судя по всему отнюдь не являвшимися подкреплением, а так себе... сбившимися и даже безоружными.

Ужаснейшая неприятность:

– Англичане ворвались вовнутрь, многие сдаются, отходите!

Напавшие англичане действительно совершили то, что говорил Рошен. Прodelывая чудеса храбрости и воинской доблести, не дожидаясь зашедших с тыла, обошлись без них. После сильнейшего натиска, сметя цепкую оборону переднего края, теперь вырвались вовнутрь и все больше наводняя собой внутренности портового форта вытесняли испанский гарнизон с его позиций.

Нашим «тыловикам» было как раз необходимо туда, в самую гущу, чтобы слиться, смешаться. Противостоять тем, кто их преследовал, словно израненый ими же зверь было опасно, втройне было опасно попасть им в плен; кто знает, чтобы они могли им в отместку устроить? Логическим завершением заваливших двор и улицу тел был расстрел на месте, как часто на войне случается, к стене и все, в расход. В разгоряченном воображении спасающихся рисовались именно эти картины со взбешенными исполнителями; и может быть поэтому держась вместе и поддерживая за руки раненых они группой попали в поток бегущих и на перекрестке, в одном из выходов, столкнулись уже с другими англичанами, с переднего края.

Они сразу же были оттеснены превосходящей численностью противника к углу, но не собираясь так просто и покорно сдаваться, принялись защищаться. Конечно никто из них не ставил специально целью повернуть события вспять, сопротивление было бесполезно, началась массовая сдача в плен. Но пока нераспалённые англичане «любезничали», можно было продержаться подольше, хотя бы для того, чтобы не сдать первыми. Поэтому, улучив возможность они даже сами потеснили англичан, получив свободу отступить.

Однако чувствовалось, что долго так продолжаться не могло, судя по тому как рьяно на них стали нападать выбирая из общей массы дворян, которых здорово было обчистить по традиции ли, или закону, установившемуся с давних пор, но с той лишь разницей, что сей-

час любой пленный шел в счет общих трофеев. При таком настроении уже необходимо было думать о собственной жизни.

Что касается Фернандо, то тот давно уже за спиной раскидал пистолеты, очистил от пороха и пуль карманы, /но все равно пахло и руки почернели/, стал заниматься удалением черноты и избавлением от запаха. Наконец похлопал руками друг о друга. Все, он не воевал!

Неожиданно раздался сильный голос с акцентом.

– Бросьте дурить, господа мушкетеры!.. Да я к вам, д'Обюссон, обращаюсь, сдайте оружие.

Д«Обюссон и де Гассе сначала замерли, разглядывая того, кто говорил и разглядев оторопели от самой неожиданной встречи.

– Лорд... Уилтон, или нет бароне...

– Барон. Все равно, сдавайте оружие!

И с этими словами Уилтон, их жертва в заброшенном саду в Лилле недоброй памяти, смело подошел к ним обоим и обезоружил, но шевалье не понадеялся на великодушность старого знакомого, кто знает, что у него на уме. А втыкательным жестом воткнул кончик шпаги в пол, дабы не вкладывать ее в руку врагу. Граф де Гассе последовал его примеру.

И я пожалуй вам сдаюсь, лорд. – проговорил он.

Кто это? – спросил лорд Уилтон у д'Обюссона как у посредника, находя выход своим сомнениям.

Познакомьтесь, граф де Гассе, тогда вы не удосужились как следует познакомиться, сейчас самое время.

Какая удивительная встреча. – проговорил Уилтон сухо, даже с какой-то суровостью или вернее нежеланием. – Не хватает лишь де Колдера, но вы его больше не увидите!

Однако вы здорово улизнули!

Как!?!...Спросите потом, у меня сейчас еще продолжается бой, прощайте.

В среднем корпусе портового форта и даже в тюрьме еще продолжали тлеть очаги сопротивления. Но в основном сопротивление уже прекратилось и каждый с легким сердцем сдавался под звуки последних сопротивляющихся.

«Где-то там Рено, убили уже может быть?».

С падением оплота обороны – среднего корпуса прекратили сопротивление и в тюремном корпусе, и засевшие на верхних этажах административной части.

Последних пленных отвели к остальным в средний корпус, где уже оружие безоружных было сброшено в большие кучи, а самих пленных держали под охраной небольшими группками, пока не разберутся с тюрьмой.

С ней разобрались весьма скоро: дабы не смешивать одно с другим, оккупационные власти приняли мудрое решение выпустить весь чистоган воров, мошенников и убийц /так неудобных прежним властям/, все равно потом разыщутся. Главное же, что после амнистии, в освободившиеся камеры стали отводить выборочные группы пленных; и пошли колонны одна за другой.

Глава VI. За решёткой

Они уже довольно долгое время стояли в полутемном коридоре, напоминающий букву «L». Кругом туда-сюда бегали офицеры, ответственные за размещение военнопленных по камерам, но их гулкие шаги не звучали так отчетливо, как звучали здесь прежде шаги тюремщиков... из-за того равномерного обильного говора, наполнявшего пространство.

Говорить не возбранялось и особенно после всего того, что произошло в это утро. И как ни странно, можно было слышать в основном, только французскую речь. Д'Обюссон, если бы не эти обстоятельства, собравшие всех вместе, до этого никогда бы не подумал, что французов могло быть так много. Он внимательно вглядывался в лицо каждого стоявшего, преимущественно по стенам /так было легче надзирать/... и почти каждого он знал, и, в частности Рено, прибывшегося к одной из групп и приветственно махнувшего ему рукой, когда сам посмотрел в его сторону.

Среди всех пленных, содержащихся пока здесь, числом меньше ста, и даже восьмидесяти, было набавлено также испанцев и не только офицеров, но так же и случайно прибывшихся, например таких как Фернандо, крутящихся в их кучке составленной из тех кто находился в галерее, самый костяк. Среди остальных французов преобладали артиллеристы, хозяйством которых наверху сейчас занимались.

Неожиданно оглянулись на подбежавшего к ним сзади поручного... У стоявшего прислонившись к стене Франсуа невольно сердце екнуло, когда ему в один момент показалось, что их разыскивают намеренно. Но им указали отправляться куда покажут, и вместе с ними это было сказано еще кому-то.

Им была приготовлена большая светлая камера, особенность которой заключалась в том, что от коридора она отделялась не глухой стеной, а длинной почти по всей ширине раздвижной решеткой с прутьями, толщиной с палец... Точнее даже двумя решетками, как выяснилось при прохождении через небольшой внутренний коридорик меж ними для надзирателей.

Камера была большой, выкрашенной в белое комнатой и потому кажущейся еще более светлой и просторной, особенно когда смотреть вверх, на высокий потолок. По всей ширине внешней стены повыше были наставлены окна, пропускающие утренний туманный свет. Естественно через решетку. По низу шел непрерывный ряд единого цельного, толстенного кожаного мата, приподнятого над полом и поставленного на ножки, словом, топчан. Граф де Гассе сразу как предстал перед ним, тотчас залез на него с ногами, не снимая обувь, растянулся.

– Как у меня в ушах гудит после этой пальбы!

Франсуа присаживаясь на занятый им край с дальней стороны стал снимать свои сапоги, перед тем как лечь тоже отдохнуть, вынул из нехвата разорвавшегося на носочке сапога свой перстень с бриллиантом, но уже не тем, что ему некогда был подарен. Граф, разлегшийся поблизости, заметил эту уловку, позволившую сохранить такую дорогую вещицу.

– Жал. /Еще через некоторое время/... Меня всего обчистили. Прячь быстрее, заметят. / повернулся в другую сторону/. А славно же мы сегодня, господа, постреляли!..

Побуждение к разговору было охотно поддержано расположившимся на другой стороне графом де Сент-Люком, де Эльяном, де Фретте и прочими. Сначала из уст разговаривающих полились эмоции и обсуждения о происшедшем, что да как, да почему /Франсуа недоспавший только зевал, не принимая участия в разговоре, но и не собираясь спать на день глядя/. Далее пошли общие рассуждения о будущем, в том числе и о ближайшем, например, захватят сегодня Сюдаделу или ее просто некому защищать. Настаивали на последнем, потому что если кто и остался после захвата Маона, в любом случае отправится лучше в горы, чем туда. А уж тем кто там оказался бы не так сложно было бы спастись совсем. Не стоит и говорить о том, что в головах шевалье и графа, зарождались мысли сожалеющие по поводу того, что их так неудачно угораздило отлучиться с прекрасной виллы и точно под самый канун высадки на Менорку английского десанта. Но никто ничего не сказал по этому поводу вслух, гораздо интересней было слушать предположения по поводу того что с ними будет, но единственное что можно было подчеркнуть конкретное, так это то, что к французам и офицерам относятся совсем не так как к остальным гарнизонным служакам, иначе бы их не отделили от испанцев, которыми битком набили камеры третьего этажа. Не плохо конечно иметь ввиду тот выход из положения, что их могут обменять.

Шевалье д'Обюссон стал наблюдать за Фернандо и Рамаданом в углу, последний из которых давал первому урок французского, вот уже в какой раз.

Послушайте, друзья! А может вам попробовать отговориться? Ведь в служивые вы не приписаны, только слуги и все.

Этот титул не поможет, раз попались. Но мы попытаемся конечно.

Незаметно воцарилась тишина, каждый из разлегшихся намеревался хорошенько отдохнуть.

Просыпались с ощущением озноба. Наступил вечер и было в самом деле холодно, после теплого дня сморившего на сон. К решеткам с коридора подошли и стали открывать. Прежде чем открыть решетчатую дверь вовнутрь показали рукой находиться всем на своих местах. Они внесли еду, и подсчитав сколько человек примерно находится в камере, доставили к открытому подносу несколько бутылочек местного вина. Лишь после того как англичане удалились, пленники позволили себе обратить внимание на поднесенное. Лежавший на том краю топчана Бажоль немощно поднял свое тело и с кряканьем привстав на ноги с интересом подошел, поднял край накидки.

Картошка в мундирах и зайча... то есть крольчатина! Наверное у них какой-нибудь преджудейский протестантский праздник?

...Аха, по случаю сегодняшней победы. – проговорил граф де Гассе в полудреме продолжая лежать, ткнувшись лицом на изгиб руки.

– А может английский новый год?! – продолжал гадать все тот же. – Нет, новый год у них по-моему в марте. ⁶– высказался д'Обюссон.

---

⁶ [1] 25 марта, до 1751-го года, пока не был принят Григорианский календарь.

За следующие несколько дней произошла большая реорганизация тюремного населения; всех до единого испанских солдат партиями вывели из портового замка вообще и по мнению некоторых отправили морским путем в Барселону. Но как выяснилось потом у лорда Уилтона, зашедшего с писцом переписывать их имена, отправили только часть, остальные же... на затеянную новыми властями прокладку дороги от города до Сюдаделы.

Их же, постояльцев этой камеры, перевели в другую, освободившуюся на этом же этаже. Третий же, очищенный весь полностью по-видимому под что-то приготовили. Что даже из-под низа перекрыли ход наверх. Но не это так волновало шестерых пленников / в отрыве от Рамадана и Фернандо, оставленных на месте/, когда их в сопровождении лорда Уилтона перепроводили на новое место в длинную, но несколько неширокую камеру с отдельными кроватями расставленными по стенам. Внутренняя разделительная преграда от коридора состояла уже из обыкновенной глухой стены с толстой кованой железом дубовой дверью.

Почти сразу же после водворения, к их братству по несчастью добавился седьмой: доктор д'Оровилл с маленькой кожаной аптечкой при себе, соответствующей его ученой степени. Он до сего времени находился при лазарете и лишь после последних реорганизаций в силу своей односложной частицы, добавленной к имени и почтению вида попал именно сюда.

Глава VII. Неудавшийся побег

В следующий раз когда нам стоит обратить к ним свое внимание – это в самый вечер торжества, когда шевалье д'Обюссон, стоя на спинке кровати и уцепившись обеими руками за прутья маленького окошка выглядывал, стараясь оглядеть и запомнить прилегающую местность к гавани, но не ту, холмистую, поросшую на противоположной стороне, и не столько сам порт, сколько недосыгаемую для зрения правую его часть. Доктор д'Орвилл в это время полулежал на близстоящей кровати, пользовался для чтения теми частями света, которые любезно предоставлялись ему, поглядывающему в свои стекла снизу вверх.

Ну, все, готово! – воскликнул граф де Гассе, главный распорядитель сегодняшнего торжества, когда осмотрев каптившуюся в струях дыма сырую тушку в камине резво подошел к накрытому столу, скромно уставленного всем, чем следовало бы для праздничного стола. Потирая руки одну об другую выхватил из общего количества одну стеклянную рюмку, поставив перед собой. Взялся за горлышко винной бутылки из стекла, черного, как сажа. Начал откупоривать перочинным ножичком пробку сначала от сдерживающей ее проволоочки, затем ее саму.

Так, господа! Прошу всех к столу!.. /нечаянно срезал верхушку, полез штопором/... Шевалье, доктор, давайте! Докто – ор! /повысил он голос/. Давайте, присаживайтесь за компанию. Хватит свои книжки читать, все равно уже ничего не успеете начитать.

А собственно что я? – проговорил незначаше доктор д'Орвилл. – Давайте наливайте, я всегда успею присоединиться.

Но судя по тому, с каким наплывом стали окружать праздничный стол и бренчать рюмками, доктору нужно было поторопиться и для этого сначала оторваться от заинтересовавшего его места.

Доктор, давайте, прощайтесь со своими книжками. – разнесся приглушенный смешок.

Граф стал наливать каждому в рюмку по весу. Не хватило одной бутылки, той же салфеткой взялся за другую, наплескал полную рюмку присоединившемуся читателю. Наконец, когда с церемонией разлива было покончено, все участники пирушки стояли вокруг стола с поднятыми рюмками, ждали только того, когда граф де Гассе наберется усилий, произнесет тост.

– ... Ну, что, господа... выпить нам придется молодого кисленького винца... Мясо к нему сырое. Все закуски сделаны без женских рук и потому горьки, как и любой хлеб на чужбине. Да и сами мы уже не те. И есть даденный хлеб в нашем положении горше вдвойне...

Но это не беда, друзья мои все потом образуется... главное, что в прошедшем тысяча семьсот восьмом, мы славно пожили, и хоть конец его сильно смазался... самое главное мы все остались живы, а все остальное уходяще-приходяще. И поэтому я предлагаю выпить за наше везение не во всем будущем, а конкретно сейчас... от того как оно сложится, так пойдут у нас дела и дальше... Итак, за удачу, господа! Ну и все же за то, чтобы удачным прошел весь последующий год!

Осушенные рюмки уже стукались днищами о столешницу, как произноситель тоста поперхнулся до выступа слез на глазах, и обопершись в наклоне на руки с ножкой рюмки между пальцев. С минуту он переживал не лучшие мгновения в своей жизни, уперив отсутствующий взгляд в одно место. Наконец его передернуло и он заискал на столе чем бы можно было перешибить свой вкус.

– Ну кислятина, все испанские вина сладкие, это же пойло... Я уже начинаю чувствовать оскомину от первой же стопки этого сока. Вношу предложение его оставить, сполоснуть обязательно рюмки, у нас еще бутылочка какая-то имеется.

– Наверное его нужно пить горячим. – предположил де Фретте.

– Господа, только не это! – запротестовал доктор д'Оровилл.

Де Гассе:

– Мы сделаем лучше... Оставим! Никуда не денутся, соблазняться, вон они на первый взгляд какие...

Каждому разлили понемногу из найденной бутылки хереса /определил капитан де Фретте то ли по запаху, то ли по цвету/ и выпив по-настоящему уселись за стол, к еде, но тут то их и ждало опять некоторое разочарование. Закусок было много: салатов, приправ, но не хватало ко всему этому центрального блюда: голимую кашу с соленой капустой было есть просто отвратительно, даже если все это прихлебывалось пикантным подливом, чем-то по вкусу отдаленно напоминающее мясное. Но наесться было просто необходимо... впрочем доктор д'Оровилл нашел наслаждение в похлебывании куриного бульона с крутым яйцом плавающим вместо мяса.

– Скверно без антилопы, – выразил всеобщие мысли шевалье, взорвав некоторых неистовыми внутренними приступами, сдерживаемыми набитыми ртами. Обыкновенное, шуточное лишь своей неточностью слово Франсуа явилось той искрой, которая воспламенила скучную обстановку своей однозначностью и полным расхождением с реалиями, после чего завязалась живая беседа, начатая графом де Гассе:

– Ты, Франсуа, молчишь, молчишь, но иногда как что-нибудь скажешь. Просмеяться невозможно...

За столом в разговорах и беседах они так просидели до самой ночи, не заметив и как наступила глубокая ночь.

– Ну что, – вдруг спохватился граф де Гассе, чувствуя, что одни опять читают, а других уж клонит ко сну. – За дело! Уже достаточно поздно. В три часа пьяный вдризыг караул заменят другим, надобно спешить.

– Вот уж во что не верится, в то не верится. А знаменитая английская дисциплина? – спросил его доктор д'Оровилл вопросом с задними помыслами.

– Значит, вам не хочется, дорогой наш доктор, доктор д'Оровилл, в кастровые пещеры? ...До Пальмы девяносто миль!

– Мало?

– По прямой так еще меньше... если от берега до берега. Если боитесь, оставим на берегу.

– Лучше бы отстали вы от меня здесь!

– Ну что так грустно, тем более, что вы хорошо знаете, здесь вы ни за что не останетесь. Без вас мы никуда... и без вашей аптечки. Оттуда так однажды пахло.

Шевалье Франсуа не дожидаясь, пока чесная компания раскачается, пошел в сторону двери и присел перед ней на корточки. Справа чрево маленького каминчика уже больше не дымившего. На квадратно – плиточном полу приложенной к стене лежала куча дров.

– Вы конечно извините, но спиртик ваш нам придется употребить... О! Томпончик! Давайте томпончик!

С этими словами граф де Гассе подошел вместе с доктором к двери и стал обильно смазывать сильным концентрированным раствором из флакончика, нижнюю часть массивной двери, стараясь как можно сильнее пропитать окаменевшее дерево. В перерыве, дожидаясь, когда поверхность просохнет перед следующим разом граф спросил:

– Да, кстати, дорогой доктор, куда в последнее время исчезли три тома вашей медицинской библиотеки?

– А что? – понимая что, недобро спросил д'Оровилл.

– Мы не хотели вас огорчать раньше времени... Но вы и сами должны были догадаться какие жертвы придется принести вам. Вы позволите взять? На толстых картонажных листьях очень хорошо разжигать деревяшки. Другого у нас просто ничего нет.

– Но это же форменное варварство, – попытался возразить вопрошаемый. – Вы разве пойдете на то, чтобы разодрать старинный фолиант по листочкам?

– А?! – оторвался ухом от щели второй собеседник; не поняв о чем ведется речь, ответил невпопад. – Нет, мы никуда ходить не будем, мы разорвем его здесь. А что останется честно вернем вам. И интересно было бы знать что вы сейчас читали только что с таким запоем? / обратился к сидящим/ Принесите пожалуйста все сюда.

Бажоль установку понял и уловив подходящий момент достал из записки доктора д'Оровилла /глубоко под кроватью / другие две книги и добавив к ним лежащую на поверхности с серьезным видом подошел положил стопу для использования. Франсуа как раз говорил графу де Гассе, чтобы он смазал и немного повыше, тем больше шансов, что он проест вокруг себя все.

Спирт, или насыщенный раствор анисовой водки, как и всякая влага имела свойство пропитывать и размокать и с последующим очередным разом она очень скоро пропиталась далее и поверхность дуба почти сразу же стала засыхать. Так бы можно было продолжать до беско-

нечности, но спирт кончался. С последним разом граф вернул в раскрытую сумочку аптечки использованный пузырек. Томпончик же наклеил на дверь.

– Так, посмотрим, что у вас тут интересенького...

Будучи немного подвыпившим и одурманенным парами спирта, де Гассе и вел себя соответственно с легкой припьяненностью в подходе к любому делу:

– Лунатизм? А! Сомнамбула!...

...Слушайте!

– Потихе декларируйте только...

– Болезнь эта чаще всего наследственная... Страдающий ею человек во время сна, при лунном свете, начинает не осознавая этого двигаться, вставать и ходить, а то и лазить по стенам... Часто таких сомнамбул можно встретить на крышах и в прочих очень опасных местах. Если что-нибудь разбудит такого человека, то он скорее всего потеряет устойчивость и свалится. Ну, а если ничего не произойдет, то так же возвратится на свое ложе, укрывается и спит. А на утро уже совершенно ничего не помнит.

– Слушай, ладно! – остановил его сидящий рядом Франсуа с дровиной в руке. – Быстрее рви книгу, приступай к закладке, а то мы так ничего и не успеем.

Он переложил поближе все дрова какие имелись, кои тут же были уложены впритык к двери и напичканы листами от книги, рвавшимися почти бесшумно.

Со стола принесли свечу и огонь занялся. Вместе со свечой были принесены и салфетки, которые так же полетели в пламя. В костер были задействованы только половина из всех имеющихся дровен. Но и они объяли огнем всю нижнюю часть двери. По мере необходимости подкладывались все новые палки и постоянно накидывали оторванных листков, так больше получалось жару.

В то время, как де Фретте, де Эльян и де Сент-Люк подошли сзади посмотреть, доктор д'Оровилл уже успев глотнуть дымку и почувствовать жар, наоборот пошел в дальний конец. Вскоре и остальные последовали за ним, оставив только двоих, но и там им дым пощипывал уже глаза. Граф де Гассе решил прожечь дверь одним разом так и вернее должно было получиться и побочные явления при сильном костре ощущаются менее заметно. Но наложив все разом, через некоторое время был вынужден позорно бежать от жарового напора и едкого дыма, зашипавшего глаза.

Камеру заполнило дымом; д'Обюссон, продолжавший все еще находиться подле, держался лишь благодаря дымоотводу в камине, куда он всовывал свое лицо для вдыхания более-менее свежего воздуха и в это время усиленно надирал страницы книги, отрываясь лишь для того, чтобы подкинуть. Туша, висевшая на вертеле очень мешала и сняв ее он неожиданно обрел еще одну хорошую палку в костер.

Дальше было сидеть уже невозможно и он с режущими глазами с тушкой в руках побежал оттуда к концу.

Зарешеченное оконце основательно облепили любители свежего воздуха, стоя ногами на запровленной постели, но слегка посторонились дать глотнуть прохлады и главному поджигателю, впрочем он бы и сам взял, так как полез по спинке; и мало того с его появлением на истоптанной раздавленной кровати чаша ее терпения переполнилась и она провалилась вместе с теми кто не держался за прутья. Еще раз вдохнув полной грудью воздуха... с дымом шевалье спрыгнул и не собираясь принимать участия в мерах, которые спешно принимались потерпевшими, обратил вдруг внимание на доктора д'Оровилла, забытого всеми в борьбе за жизнь. Он молча погибал на своей кровати облокотив голову на руку.

– Доктор, вставайте, не лежите, – подскочил к нему Франсуа, пытаясь поднять.

– Честное слово, шевалье, – оторвал тампон от носа со смехом проговорил доктор, – Если мы все здесь удушимся., это будет лежать исключительно на вашей совести.

И снова приложил к лицу сложенный в несколько кусок материи, по всей видимости, снятая с подушки наволочка. В воздухе уже действительно скопилось столько дыма, что облака его начинали угрожающе застаиваться. Насыщенность дымом принимала ужасные размеры и люди, понимая, что им возможно несдобровать, делали все возможное, чтобы только вырваться из этого кошмара. Каждый, подбегая старался хоть как то продвинуть дело и потому вскоре все три книги были изорваны и вместе с корочками спалены. От бумаги главным образом и шел тот черный едкий дым, заполнивший все и вся. Казалось, что от него почернела вся нижняя часть двери. Но это было не так, потому как и огонь делал свое дело. Треск в самом низу усилился, должно быть начала гореть и сама дверь, судя по тому как она начала корчиться и разбухать от выстрелов. До сих пор можно было считать что поджег велся относительно тихо, но когда разгоравшееся дерево расстрелялось искрами, так, что шум можно было сравнивать разве что с настоящей стрельбой, казалось, грохот должен бы был переполошить всю тюрьму. Треск расщепляемого дерева с огненными выдувами добавлял нежелательной музыки.

Приблизившийся к огню граф де Гассе делал главный упор на силу пламени извне, нежели надеялся, что некогда казавшееся таким крепким дерево прогорит само. Он подкинул в уголья еще бог невесть что и стал разгребать уголья, пробуждая огонь.

– Месье де Сент-Люк, – обратился он к графу, принесшему черную бутылку вина. — А вас бы я попросил снять ваш «А ля Стеенкерк».⁷ По своему опыту знаю, горят они превосходно.

– Горели в нем? – язвительно спросил тот, кому посоветовали сжечь навязанный предмет, придуманной ему гордости, может быть даже из зависти. – Гораздо будет лучше полить...

– Не надо ничего поливать! – остановил Франсуа занесенную руку с бутылкой. – Вы перегрелись, ваше сиятельство, кто же бражкой костры топят, это же не спирт. После вашего полива на том месте огонь уже никогда не воспламенится! Лучше разгребите мне чистое место.

---

⁷ [1] галстук «А ля Стеенкерк» носили французские офицеры названные так в честь победы при Стеенкерк в 1629 году, по которым их могли опознать

– Взрывать будешь? – спросил де Гассе, однако сделал то, о чем его просили небрежно ногой.

Шевалье достал белый салфеточный сверток пороха, собранного прежде из остатков в карманах вояк, и сунул как можно глубже под... Де Гассе его еще сильнее впихал далее, и боязливо убрал руку, завидев ярко вспыхнувшие огненные струи, пошедшие снизу вверх и как могло показаться пропитавшие самую нутрь.

Огонь своей разрушительной деятельностью выявил внутреннюю конструкцию двери, состоящей из плотно припаянных друг к другу брусьев. Когда же граф де Гассе стал сдирать скреплявшие их намертво железные планки одна из них потащила за собой и обугленный обломок... дверь тут же стали распиновать; сначала полегоньку, но потом сапог – Франсуа пробил насквозь. Общими усилиями они распинали большую пробоину, далее принялись разгребать и раскидывать по сторонам уголья, расчищая таким образом свободное место для пролезания, но и дыму подняли столько, что невозможно было хорошо открыть глаза.

Достижение успеха оживило и остальных участников злосчастного побега, быстро принесли чей-то плащ и накрыли раскаленные плиты. Пролезая на ту сторону первым, Франсуа на миг замер, прислушался...

– Вылазь ты скорей!

В другое время сообщники с замиранием сердца и сами бы прислушались вслед за ним, но сейчас им было не до этого, побыстрее бы выбраться отсюда.

Образец целеустремленной стойкости, шевалье д'Обюссон чуть не взвыл от ужаса, когда голыми ладонями оказался на угольях. Было бы здорово после стольких приложенных усилий огласить всю тюрьму своими воплями.

Сквозничок из прогорелого места продолжал доносить за собой дым в широкий тюремный коридор и каждый влазивший спешил отойти от дымливой двери подальше. Франсуа прежде уже раскидал красные тлеющие уголья наклонился к очередному, приготовившемуся лезть.

А ягненок?

Несут, несут...

Наконец они все семеро были в сборе по эту сторону двери. Предстояло подумать, что делать дальше и капитан де Фретте, знавший внутреннее строение всего портового замка назубок, на ощупь, живо смекнул куда вести своих товарищей... Под лестницу на третий этаж, где находилась комнатка, где по идее должны были находиться сторожа.

Коридор, как мы помним, представлял собой букву «L»; пройдя длинную его часть вся группа свернула в меньшую и юркнула под кирпичный лестничный пролет, к дверям. Но она-то как раз оказалась закрытой, сколько ни дергали за ручку и не пытались выставить ее плечом, пока не слышали невнятное мямлианье убитого сном пьяницы. Побудили его еще немного, пока не услышали что-то уже более-менее напоминающее речь, явно английскую. Кажется был задан вопрос.

– ...Аварью. – ответил Франсуа в дверь, затем поправился. – Нет, «Аварьё. Ол – Райт?!»

С ложа встали, пустая бутылка звонко звякнулась об пол... В общем они оказались у раскрытого окна, смотрящего в сад..., но не нашли веревки, по которой можно было бы спуститься. Прыгать вниз в неизвестную темноту не решился никто, раз не решился капитан, знавший, сколько времени придется лететь. Тем более еще оставалось столько путей!

Граф де Гассе решил не упускать и этого верного случая; вручив ягненка Франсуа, кинулся назад. Оставалось только подсадовать на то, что они ни о чем не думали раньше, хотя и без всяких дум было понятно, что сплести веревку из простыней и одеял было просто необходимо.

Вернулся граф очень быстро и в крайнем волнении: камера была объята пламенем.

Тогда де Фретте решил вести их вниз, но неудача одна за другой преследовали их. То закрыто, то попав на второй этаж с перепугу сбежали на третий. Коридор на втором оглашался безумными криками и стуками в двери, находящихся там арестантов, думающих, что горит тюрьма. С третьего этажа им так же пришлось бежать, чуть не наткнувшись на англичан. В тюремном коридоре им милее всего было скрытое место под лестницей. Там они и оставались в нерешительности, не зная, что им делать дальше.

Особенно нелеп к данной обстановке был обязанный вид доктора, обязанный носиться вместе со всеми по лестницам, за компанию.

– Я чувствую мы их так спалим всех вместе, с портовым замком, – пророчески указуя перстом неожиданно проговорил он, глядя из толпы на Франсуа, которого считал виновником всей этой идиотской истории, в которой у него спалили медицинские книги.

Вышло так, что де Гассе и д'Обюссон оказались стоящими напротив остальных, а граф ближе всех к двери комнатки. Взглянув на нее:

– Ну вы как хотите, а я прыгаю!

Шевалье ничего другого не оставалось, как последовать за другом за дверь. Вслед они обои услышали увещевания старины д'Оровилла, останавливавшего их от подобного шага: пока молодые, побереглись бы вы, потом всю жизнь изувеченные ходить будете.

Граф не слушая особо, прыгнул сразу, как подошел, так что Франсуа, повернув голову, успел заметить только сорвавшиеся с подоконника руки.

Глава VIII. Карцер

Печален был конец их затеи, сразу неподалеку от ограды сада, где проходил патруль. И сейчас графа де Гассе и шевалье д'Обюссона под охраной вели вниз по узкому выделанному красным кирпичом ступенчатому проходу, оканчивающемся маленькой квадратной площадкой, затертой стенами. Влево чугунная дверь, по своей массивности открывающаяся медленно... за порог и дверь закрылась. Карцер – единственный во всей крепости карцер и самое худшее место, по всей видимости не жилое и в ту пору, когда тюрьма была чисто уголовничьей, если судить по тому, как долго в толстой связке подбирался ключ и с какими усилиями офицер открывал тугой замок.

Обманутый в своем великодушии лорд Уилтон отправил их в самое чахлое место, которое могло найтись для усмирения пыла, справедливо принимая шевалье и графа за инициаторов случившегося. Но он бы никогда, сообразуясь лишь с собственным мнением, так явно не поступил бы, зайдя зачинщики в своем рвении дальше всех. И теперь известное дело – карцер: неровный, шероховатый пол, местами землянистый и ужасно холодный, от которого всегда стыли ноги. Но хорошо было уже и то, что крыс здесь не было и не могло быть, на такой глубине. Сюда они просто «недорывались».

Пространство карцера было невелико, но с закутком и с углом, куда был врезан стол с заземленными ножками. На сем столике обычно горела лампадка на масле; единственное, что освещало сонливый полумрак. Когда же не освещало: это значило – ночь и неминуемый сон, единственное облегчение. Спать приходилось на соломенных лежанках и в одежде, так как было очень сыро и холодно.

Заходили к ним два раза на дню, принести еды и забрать посуду, частенько с недоеденным и даже не затронутым. Состояла еда из теплой похлебки с луком, вода и хлеб, и ничего более, и каждый раз рацион питания оставался неизменным. От отошения спасало лишь вынужденное и невыносимое недвижение, когда ничего другого более не оставалось делать как отлеживаться на своей лежанке.

Позднее появились два кресла – настоящее спасение от лежанок и невыносимой стесненности. В кресле было легче всего проводить время и слегка даже менять положение. Но в общем узники довольно скоро свыклись с такой жизнью, перемежаемой разговорами и двукратным посещением их тюремного обходчика. Временем, от которого они были оторваны, служила лампадка, в которую по принципу песочных часов, если не подливали масла это значило, что наверху день прошел, необходимо было отправляться ко сну. Но сон не был бы таким долгожданным, если бы не долгие и изнурительные физические упражнения перед ним, которые разработал Франсуа на основе упражнений, дававшихся ему некогда китайцем Саидкой.

Лорд Уилтон к ним никогда не ходил и ничто более не раскрашивало однотонную жизнь кроме рабочих заходов нового /благодаря их художествам / обходчика. Но как-то раз арестанты развлеклись звуками, спускавшейся к ним процессии, судя по внеурочному времени и... тем же звукам авторитетного разговора. То была комиссия, проверяющая состояние тюремного дела и заодно выслушивающая жалобы и просьбы каждого из содержащихся в заключении. Вопрос о том и другом был задан им высоким офицером, на ломанном, прямо можно сказать

несмелом французском языке, что очень польстило сердца узников и они решились спросить о том заветном, о чем бы никогда в другое время им не позволила их собственная гордость.

– А-а. – многозначительно протянул офицер. – На это не надейтесь. – Вас вообще должно было истратить, но только благодаря сэру Уилтону...

Глава IX. Граф д'Олон

Одним прекрасным солнечным, словно как летним днем, обычным для начала года, когда: если стоять на солнце, то чувствуется ощущение жары, но стоит только оказаться в тени, или того хуже зайти светилу за облака, как можно почувствовать и сильный озноб. Так вот именно в такой день и холодный, и жаркий к портовому причалу Маона подошла длинная быстроходная таргана на парусах, поддуваемых с моря. Пришла она из Марсея. Но так как была пропущена дозорным патрульным кораблем, курсировавшем вблизи, то и интереса уже соответственно никакого не представляла. Проверочный патруль, состоящий из нескольких отряженных начальником порта служаков, дожидался когда будет перекинут трап и пассажиры схлынут по нему, с видом нарочитого равнодушия.

Но потока не было, более того они чуть не упустили из виду единственного пассажира нерешительно появившегося на пристани с тяжелым чемоданом. То приплыл Капече Ковалоччо и его нервный вид выдавал в нем до сих пор не улечившуюся досаду по поводу того, как много он впопыхах заплатил за свой приплыл; туда где он сразу же почувствовал себя в единственном числе и вообще в неприятном положении.

Разговаривавшие между собой англичане заметили его лишь когда явственно обозначился тот факт, что приезжий хочет пройти от них мимо и подозвали: «кам ту хир», с жестом пальцев. Не будь даже и этого неуважительного жеста, итальянец хорошо усвоивший, что значит немецкое: «ком цу мир», понял бы, что от него требуется по одним только словам, очень сходным с теми, которые ему доводилось слышать от австрийцев.

Поставив чемодан он подошел к ним, сразу же углубив руку в карман одежды за документами, и почувствовал себя неловко, когда один из стоявших перед ним пошел за чемоданом, явно не доверяя ему, хотя и документы были оформлены в порядке. Но тем не менее, претерпевал печальные воздействия: был раскрыт и содержимое его было досмотрено и обыскано самым беззастенчивым образом и раскидано. А со дна изъяты две шпаги, которые и привлекли внимание таможенников. Теперь его самым бесцеремонным образом досматривали самого, несмотря на то, что только что он их разочаровал, как человек прибывший из Марсея; какой-то итальяшка с документами на немецком языке.

В соответствии с ними его и спросили на том же языке насчет привезенного оружия.

– Дас ист ⁸пих-пах?

– А, но найн. Дас ист вжик-вжик, вжик-вжик! Их бин ⁹.../мыкал усиленно думая/, Профессор!

Высокий английский офицер рассмеялся вместе со всеми, повторил это слово на свой лад сослуживцам. Далее его вопрос можно было расценить как запрос о цели приезда, на что Ковалоччо снова задумался на некоторое время, думая, что же лучше ответить и подбирая необходимое слово.

---

⁸ [1] это есть...

⁹ [2] я есть...

– Спэнишь? – спросил офицер, желая помочь, чем ввел Капече в крайнее затруднение, как отвечать на еще один трудный вопрос... Решил отрицать, хоть и с краской на лице.

– Фрэнч? Парл тю франсэ?

...Тут уж итальянец чуть не задрожал и верно побледнел, но решил идти в своем отрицании до конца.

– Нон¹⁰ ... А-а! Лого! /указал на себя пальцем/ Итальяно. Пилигрим.¹¹

Настала очередь второй раз посмеяться, но смех не помог. Допрашиватель ткнул пальцем вниз на чемодан, показал собирать и идти вместе с ним в сторону... как Ковалочко показалось тюрьмы, от чего он вдруг сразу безудержно расстроился и упрашивающе развел руки. Вид у молодого итальянца был настолько растерянным и испуганным, что английский офицер решил его отпустить ко всем чертям, но.../показал на шпаги/...Ковалочко согласился с тем, что иметь при себе оружие в здешних местах не дозволенно.

Имя его записали и с тем отпустили..., с неприятным осадком на душе: чуть не попал в комендатуру. Капече Ковалочко поспешил скорее покинуть порт и углубиться в кварталы, таковое ему не удалось. Заманили вывески припортовых же таверн. Однако по времени у местных продолжалась сиеста¹², или же заведения в большинстве своем еще не открылись по неприятным причинам приезжому, и итальянцу пришлось некоторое время походить поискать открытое.

В тихой пустой зале таверны было прохладно и потягивало холодным сквознячком, так что снятую куртку пришлось снова одеть на озябшее тело. Но все же сидеть в холодке отдыхать после запаренных хождений было куда приятней. Чемодан уже более не оттягивал руку и пальцы, и он уже начал испытывать благодворный сон, как очнулся. Чувствуя озноб. В залу на деревянный пол ступил полный дядечка и направился к нему.

– Карамба, сеньор.../и далее все по-испански/ У вас здесь не знаешь как и одеваться! Скажите, когда вас англичане захватили?

– О месье и не вспоминайте, я так привык к своим посетителям, что кажется как будто это было только вчера.

– Ах, сеньор, значит вам милей французы, раз у вас укоренилось это обращение.

– Да нет же, помилосердствуйте, христараве, отца большого семейства обвинять в сочувствии, я лишь сказал по-привычке.

– Э-нет, не надо отказываться, папаша, говорите, что вы знаете о двух французских офицерах, служивших в вашем гарнизоне.

---

¹⁰ [3] нет (франц.)

¹¹ [4] библейск. Путешественник, скиталец

¹² [5] время дневного отдыха у испанцев

– А то же самое знаю, что и о трех, и четырех, и пяти. Все они сидят как миленькие по тюрьмам и не слышно от них более ничего.

– Ну как же так, ничего не слышно. Мне бы только о двух мушкетерах справки навести, не поможете мне ничем в этом деле? Я, считай, сюда только по этому делу и приехал, то есть обыкновенно навестить своих друзей. А тут англичане как снег на голову свалились, даже неожиданно как-то, право.

– ...Что я могу сказать?...Я знаю, что наших... погубило меньше англичан. А у вашего брата только моряков отпевали у нас в церкви... Ну, а таких чтоб офицеры... Они какие по виду-то? Ну в чем одеты были?

– Большой нашитый крест на груди.

– А-а, не знаю, не могу ничего сказать. Тебе лучше не со мной говорить, а с ними... Выбери кого-нибудь, поговори, признайся на чистоту чего приехал, может подскажет что. Если ты у меня жить будешь, я тебя обязательно сведу.

Ковалочко был не против. Он и пообедал у тавернщика, после отправившись отдохнуть, после утомительной дороги. В тот вечер его ни с кем не сводили, а проснувшись на следующее утро ему и самому стало понятно, что ничего не нужно, все бесполезно. А необходимо как можно скорей покинуть эту местность, куда он так далеко забрался и где со своими марсельскими данными пребывал в нежелательной известности. Особенно Ковалочко ощутил желание возвратиться обратно, когда вышел из таверны на холодный утренний воздух. Приходилось сокрушаться по поводу того, что сие решение не пришло ему в голову вчера, когда еще можно было поправить свои дела и отправиться той же тартаной.

На счастье оказалось, что тартана никуда не уходила, а стояла на своем прежнем месте и будет стоять весь этот, и утро следующего дня. Обрадованный хотя бы этим обстоятельством, Капече Ковалочко предупредил капитана, что завтра отправляется вместе с ними, на что тот его предупредил о том, что они возможно перейдут на другое место стоянки. Это было бедой не большой, главное, что он здесь не застрянет на неопределенно – долгое время. С Менорки было трудновато выбраться и в прежние времена, не говоря об этих, и на следующее утро он непременно разыскал свою тартану в самой глубине порта в стороне дальней от портового замка, на который Ковалочко смотрел с неизъяснимым чувством печали и вины, что потерял вчера весь день зря; только ходил вокруг да около тюремного здания и не попытался даже передать весточку о себе. Все из-за ложной боязни. Нужно было и насчет шпага спросить, у того же длинного... все по-хорошему объяснить, как советовали.

На тартане по-видимому еще спали и наш итальянец решил погрузиться самовольно, так и сделал, никого не встретив. Водворился в свой кубрик. Покинутая им соломенная сомбреро оставалась лежать на прежнем месте и покрыв ею голову он уселся в полудреме снять с себя остатки сонливой слабости.

Потом он снова пошел на пристань погреться в солнечных лучах. Людей там собралось на порядочную толпу. Производилась посадка семьи из трех человек, его неожиданных попутчиков. Слуги заносили на палубу вещи и на душе мореплавателя сильно отлегло. Плавать по морю ему представлялось возможным только на больших кораблях, а тартана совсем не вызвала в нем уважения.

Кроме того на причале находился капитан с помощником и группа провожающих офицеров, которая не привлекла его пристального внимания, так как там не обнаружилось длинного и усатого. Ковалочко был в восторге от того, что случай подарил ему в попутчицы молоденькую девушку в синем, дочь своих родителей. Она тоже поглядывала на него, но больше ее интересовали отпускающие ее победители, к группе которых подошел еще один здоровяк, поначалу высотой и усами показавшийся чем-то знакомым, но не тот, кого ему было нужно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.